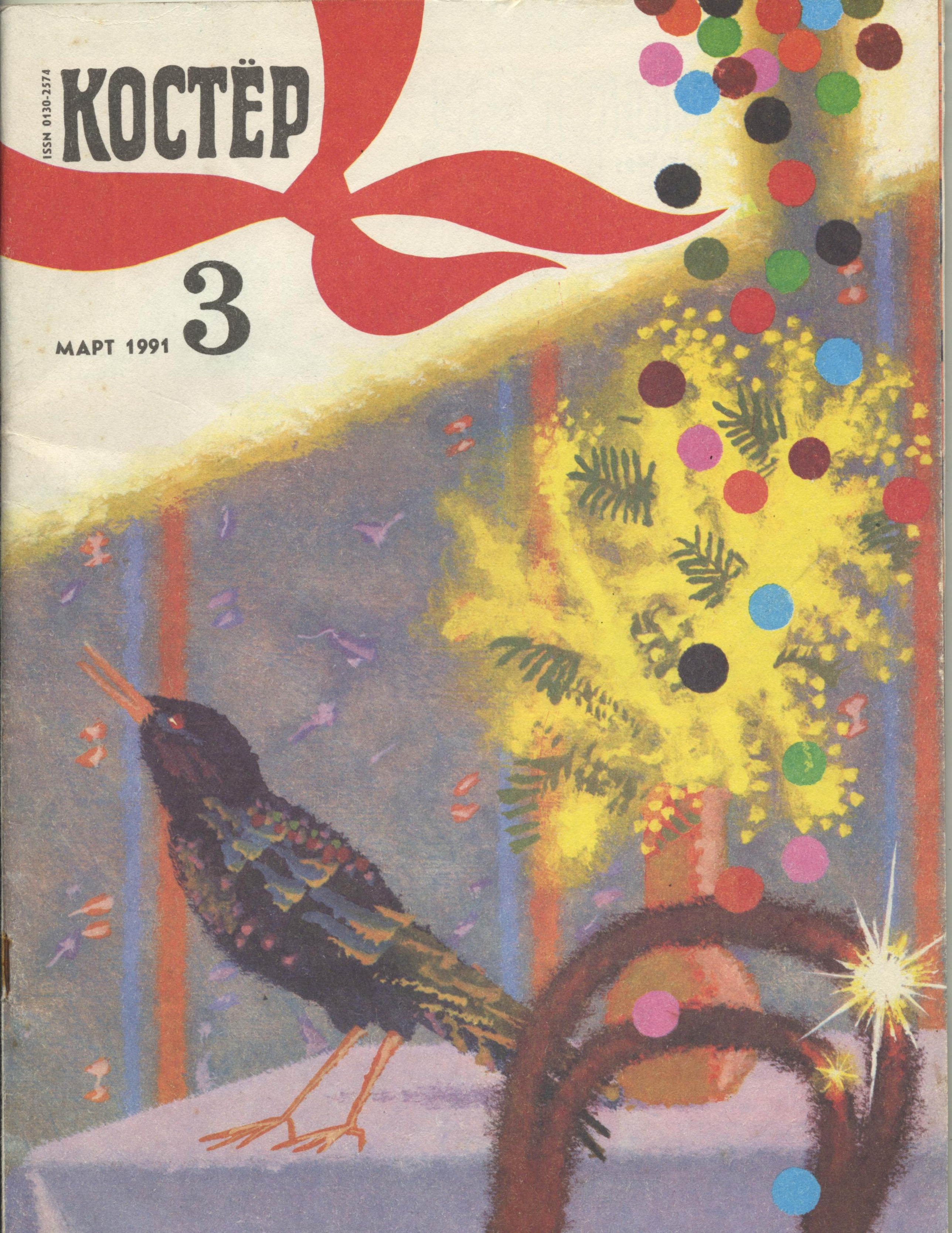
ISSN 0130-2574

КОСТЁР

МАРТ 1991 3

КОСТЁР

МАРТ 1991

Ежемесячный журнал
для школьников

Издается с июля 1936 года

© «Костер». 1991.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

1
ВОЛШЕБНИКИ ИЗ АПТЕКИ
очерк
Т. Волынкиной

3
ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ
повесть
Е. Мурашовой

10
ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

11
И ТОЛЬКО О ЛЮБВИ МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ...
обзор писем

12
ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «У КОСТРА»

14
БАРАБАН
сообщения юнкоров

17
ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО
повесть-сказка
Л. Яхнина

24
СЕМЬ УРОКОВ УШУ

26
КИФ
конкурс изобретателей и фантастов

28
ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ
очерк
П. Васильева

30
УЧЕНИЕ ХРИСТА, ИЗЛОЖЕННОЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ
Л. Толстой

34
МУЗЕЙ НИКОЛАЯ РУБЦОВА
очерк
Н. Коняева

36
О ДЕВОЧКЕ, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА РИСОВАТЬ НАСЕКОМЫХ
очерк
В. Танасийчука

38
КАК «Незнакомка-90» стала «Незнакомкой-91»

40
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

42
ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНОК

44
ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

46
АРЧЕБЕК
шахматы и шашки

47
СОВЕТЫ МАШИ-ИСКУСНИЦЫ

На обложке рисунок Н. Даминова «Весна»

ВОЛШЕБНИКИ ИЗ АПТЕКИ

— Дзинь! — отозвался дверной колокольчик, когда, толкнув дверь, я вошла в старинную аптеку.

И огляделась. И удивилась. Так странно все было здесь, так необычно.

Тишина, полумрак. Высокие темные стенные шкафы, где за стеклами, в глубине, среди старых аптечных вещей притаились позабытые аптечные истории...

— Дзинь-нь! — звал колокольчик аптекаря. Где он, старый аптекарь, который мог бы рассказать столько интересного?

Важная это была должность — аптекарь. Первый из них в России появился при дворе царя Иоанна Грозного, в XVI веке. И был в диковину. Звали аптекаря Джеймс Френгейм и привез он с собой из Англии... воз медикаментов, аптечной посуды и готовых лекарств, микстур, настоек и порошков!

И открылась в Москве первая аптека — Царская. Для царедворцев. А потом другая — для полковых врачей.

Из Англии, Голландии и Германии выписывали сюда врачей и аптекарей. Но прежде в иностранные земли посылались особые царские грамоты. Надобно было заранее знать: прославлен ли аптекарь в своих землях? Ценит ли его собственный государь? Если ответ приходил лестный, то приезжал аптекарь в Россию и редко хотел вернуться обратно. Жили аптекари при царской аптеке в каменных домах. В торжественные дни получали богатые подарки. Освобождались от воинской повинности. Не платили податей. А сами получали за службу большие деньги — двенадцать рублей.

В те времена на пятнадцать рублей можно было купить крестьянский дом и двор, и лошадь, и корову...

Почетное это было звание — аптекарь. Ведь знали они таинство, не ведомое никому — скрытую силу лекарств, вылечивающих от болезней! Они были почти волшебники, эти старые аптекари...

Сами же аптеки были заведениями таинственными. Они были и лабораториями, откуда выходили порой великие химики, и маленькими фабриками, где из трав и кореньев, собираемых особыми людьми — травниками, готовились чудесные лекарства. Аптеки и домом служили для аптекаря, так что в любое время колокольчик мог вызвать его к посетителю.

— Дзинь-нь-нь! — будил аптекаря ночью настойчивый звон и выходил он, заспанный, в ночном колпаке...

Но мы забежали вперед. Ведь это уже страничка аптечной истории из времен царя Петра Первого.

В сущности, кроме тех двух, в России не знали аптек. За лечебными травами, кореньями, маслами и мазями бедные и богатые шли на рынки в зеленные лавки.

И даже царь Петр первые настоящие аптеки увидел только за границей. Очень они ему понравились. Строили их в центре больших городов, роскошные, как дворцы. Из Амстердама государь привез целый Естественно-исторический кабинет с описаниями аптекаря Альберта Себы, не пожалев на него огромной суммы — 10 000 гульденов!

Вернувшись домой, Петр узнал, что каким-то зельем-снадобьем из зеленной лавки отравился знатный боярин Салтыков. И умер. И Петр повелел зеленные лавки закрыть, а открыть аптеки — на манер западных. И выписать аптекарей оттуда же. А чтобы не везли они с собой лекарственных припасов, развести в России аптекарские огороды. Там выращивать лекарственные травы. Чтобы дело делалось с толком, пригласить из-за границы ученых-ботаников. И медикам во

всех училищах обязательно ботанику преподавать, чтоб разумение имели. И книги врачебные на русский язык переводить.

Аптекам же, как заведениям государственной важности, царь жаловал особые аптечные гербы. Удостоилась такого герба и построенная в конце XVIII века дворцовая аптека в дачном городе русских царей — Петергофе под Санкт-Петербургом.

Давно это было. Сколько войн прошло с тех времен! Где тут сохраниться старинным гербам и аптекам?

Как вдруг:

«Петергофская дворцовая аптека»,— прочитала я на углу старого одноэтажного дома в городе Петродворце, что под Ленинградом, на улице Советской.

— Да это же та самая старинная дворцовая аптека в Петергофе! И улица раньше называлась Дворцовой...

Сюда-то я и вошла. Тут все, как в старые времена. За стеклами стенных шкафов поблескивают старинные склянки, пузырьки и бутылки из-под лекарств всех форм и размеров, разноцветные и прозрачные, с выпуклыми буквами на стеклянных боках. В буквах этих, сейчас непонятных, свой смысл.

Во многих городах появились уже свои аптеки. И у каждой — свое имя и своя «фирменная» посуда. И через десятилетия по сохранившейся склянке, как по визитной карточке аптекаря, можно было узнать, откуда лекарство и от кого.

Имена разных аптек были и на забавной баночке из-под зубного порошка с царским двуглавым орлом на крышке, и на коробочке из-под горчичников, и на старых-престарых рецептах. Такая вот аптечная реклама.

И вдруг мне стало грустно. Вспомнились невольно наши современные аптеки. Безымянные, безликие. Уставленные батареями неотличимых баночек и бутылочек. Где утерянная слава аптекарей?

Нет! Слава аптекарей жива.

Ведь и эта старинная аптека работает сейчас как современная: тут продаются и делаются отнюдь не музейные лекарства. Музеем ее сделали настоящие аптекари — и бывшая заведующая аптекой, Жанна Васильевна Выжлецова, и фармацевты — так теперь называют аптекарей — Алла Сергеевна Афанасьева и Татьяна Николаевна Мущинина. И архитектор Анатолий Иванович Акмен, по старым книгам и чертежам восстановивший облик старинной аптеки и даже костюмы аптекарей. Между прочим, раньше аптекарями были только мужчины, а сейчас — только женщины...

И ребята и взрослые создателям музея помогали — приносили экспонаты. Здесь есть и подлинные вещи, принадлежавшие когда-то дворцовой аптеке Петергофа, и вещи из позабытых аптек из других городов. Многое могут рассказать эти старые аптечные вещи. И многому научить.

— Дзинь!

Не звони, колокольчик! Может быть, аптекарь занят. Может быть, в современной лаборатории он пытается отгадать рецепт утерянного еще в средние века знаменитого лекарства от всех болезней — терьяка? А может, изобретает такое лекарство, о котором и не мечтали древние аптекари?

Т. ВОЛЫНКИНА

Рисунки В. Аникина

Фото Б. Гесселя

Полоса отчуждения

ПОВЕСТЬ

Е. МУРАШОВА

Рисунки Ю. Шабанова

Спустя несколько дней я принесла в «полосу» целый узелок. В нем были двое моих старых джинсов (еще вполне целых, я просто перестала в них влезать), детская шерстяная кофточка для Жеки, два бинта и мазь Вишневского. Маме я сказала, что джинсы и кофта понадобились для школьного театра. Бабушка предложила еще кружевную манишку и накидку, обшитую бисером. Я отказалась, объяснив, что наш театр ставит пьесы из современной жизни.

Продолжение. Начало см. в № 1, 2

Васька сразу же заметил узелок, взглянул на него подозрительно, но ничего не сказал. Я положила узелок в угол и стала читать Жеке русские народные сказки. Васька делал вид, что чем-то занят, но на самом деле тоже слушал. Потом мы с Васькой взяли ведро и котелок и пошли за водой, а Жека в это время сунул нос в узелок, зачем-то забинтовал себе руку и намазал лоб мазью Вишневского. Когда мы возвращались, он выскочил нам навстречу в новой кофте и радостно крикнул: «Вась! А Ольга тебе штаны принесла! Целых двое!» Я присела, боясь взглянуть на Ваську. Он долго молчал, потом спросил тихо, голосом, не предвещающим ничего хорошего: «У тебя чего, лишние, да?» — «Да нет, Вась, нет,— я старалась говорить быстро, чтобы успеть сказать как можно больше до того, как он закричит.— Я из них просто выросла. Они на меня не лезут. Ты тощий, тебе будет как раз. А из кофты этой я уже сто лет как выросла. У нас ее все равно моль сожрет или в половые тряпки. Так лучше уж вы с Жекой поносите. Правда?» — «Правда,— согласился Васька и грустно взглянул на радостно улыбающегося Жеку.— Я уж давно думал — весна. Чего ж ему — все лето в ватнике ходить?» Я догадалась, что Ваську примирила с ситуацией именно Жекина кофта, и порадовалась своей предусмотрительности. «Я еще на антресолях ботинки старые видела. В следующий раз принесу,— сказала я и, заметив как поехали к середине лба Васькины брови, добавила.— Да не тебе, не тебе. Тебе мои и не влезут. Жеке».

«Почитай мне еще, пожалуйста»,— попросил Жека. Он здорово чувствовал Васькины критические состояния и по-своему старался предотвращать срывы. Если мы с Жекой действовали сообща, то это нам почти всегда удавалось. Я с удовольствием взяла книжку, а Васька облегченно вздохнул и, отвинтив крышку, с сомнением понюхал мазь Вишневского.

Этот и все последующие вечера я читала Жеке детские книжки. Слушал Жека прекрасно. Не перебивал, не вертелся, не задавал вопросов. Сидел, окаменев, приоткрыв рот, и смотрел в одну точку. Точка эта находилась где-то у меня на шее, там, где застегивается верхняя пуговица у кофты, и я первое время все спрашивала, что он там такое увидел. Жека молчал, отводил глаза, а потом снова начинал смотреть на пуговицу. Я подумала, что ему, наверное, так удобнее, и перестала к нему приставать.

Сначала мне очень нравилось, что Жека так внимательно слушает, потом я заметила, что ему все равно, какую книгу я читаю. Сказки, «Денискины рассказы» или даже «Серенький козлик». Спросила у Васьки. «Да он не понимает ничего»,— с какой-то взрослой усталостью сказал тот. «Как это — не понимает?» — изумилась я. «Вот так и не понимает. Слушает тебя, голос твой, а что там в этих книжках делается, так это так... через девять слов на десяток...» — «Но почему? Я же стараюсь как раз для его возраста подбирать. «Денискины рассказы» — как раз из жизни его ровесников...» — «Да не знает он ничего, не знает — поняла?! — закричал Васька.— Откуда ему знать-то?!» — «Успокойся, Вась,— попросила я.— Объясни. Я понять хочу».— «Чего тут объяснять-то? — хмуро, но уже не зло сказал Васька.— Кое-чего, конечно, и он соображает. Серенький, вон, козлик или в сказках там. А остальное — просто слова слушает. Ему ведь ты первая читаешь. Ну, для всех-то читали когда в инкубаторе... А чтоб вот так, для него одного — первая ты. Вот он и балдеет. А что до его жизни, так для Жеки твои «Денискины рассказы» — чище всяких сказок. Он там любит, когда они все вместе за стол садятся: отец, мать. Дениска этот... Остальное-то не соображает... А ты все-таки, знаешь, не читай их больше. Сказки лучше...» — «Почему?» — «Плачет опосля по ночам шибко...» — «Плачет?! Что же ты мне раньше-то не сказал?!» — «Да он просил,— неохотно объяснил Васька.— Как-то ревел всю ночь, спать не давал, ну, я ему и пригрозил: вот скажу, мол, Ольге, чтоб не пудрила тебе мозги книгами ентими... Так он аж затрясся весь, руки мне, ровно щенок, лизать пытался... Васечка, миленький, не говори Оле ничего, я тебе все-все сделаю... Ну, где уж тут... Не без сердца ведь...» — «Вась, я не знала,— тихо сказала я.— Я больше не буду это, Вась...» — «Да, ладно,— отмахнулся Васька.— Про ентого, про Маугли читай. То и мне занятно. И Жеке нравится. Знаешь, в позатот день он мне вдруг и говорит: Давай, Вась, пойдем в лес жить, к волкам. Тараса тоже возьмем. Ты Маугли будешь, а я так, с тобой. С людьми дюже плохо жить, может, с волками лучше? Чуешь как, да? Соображает! — последнее Васька произнес с гордостью, не замечая, наверное, что противоречит сам себе, и добавил все с той же взрослой усталостью.— Глупый еще, несмышленыш».

* * *

То воскресенье, когда мы с Васькой и Жекой собрались на прогулку, было необыкновенным.

Все дома были розовыми, желтыми, белыми и голубыми, все люди — красивыми, а когда мы проходили по аллее вдоль Университета, то вдруг услышали музыку. Подняли головы и увидели, что в глубине сада у раскрытого окна стоит женщина в широком халате и играет на трубе. Что-то такое радостное и печальное одновременно. «Чего это такое? Больница, что ль?» — спросил Васька. «Нет, роддом»,— ответила я, взглянув на вывеску. «Вот это — да! — не то удивился, не то восхитился Васька и, подумав, добавил.— Должно, музыкантом будет...» Мы шли по городу, вокруг было полно всяких памятников. Я как-то никогда не задумывалась над тем, как их много и сейчас прямо поразилась. Куда ни глянь — везде памятник или здание какое-нибудь историческое. Жека шел, задрав кверху голову, постоянно спотыкался и везде в лепных украшениях домов видел каких-то зверюшек, которых мы с Васькой не замечали. «Ой, смотрите, какой лев!.. Ой, орлы какие страшные! А это кто такие на задние лапки встали? Кошки, да? Куницы? А чего это они делают?..» Я, как могла, объясняла и видела в этот

день гораздо больше, чем обычно. Благодаря Жеке и тому, что был такой день.

Проходя по улицам, я все время пыталась вспомнить, что я слышала про эти дома и памятники от мамы, во время экскурсий, на которые меня таскала бабушка, и что читала в книге «Знаешь ли ты свой город?» И мне было очень стыдно, потому что оказалось, что я не помню почти ничего, а если что и помню, то все это какие-то мелочи, не имеющие к делу никакого отношения. Самое главное — кто и когда построил — я забыла начисто. На всякий случай я перечислила Ваське всех известных мне архитекторов, а Васька спросил, был ли среди них хоть один русский. Я поднапряглась и вспомнила, что был — Захаров. Васька очень обрадовался и спросил, что этот Захаров построил. Я наугад сказала, что Адмиралтейство. Васька несколько секунд, сощурясь, смотрел на блестящий адмиралтейский шпиль, потом сплюнул сквозь щель в передних зубах и сказал: «Ничего! Подходяще!»

На площади Декабристов я вспомнила, что Медного всадника делали целых два скульптора — мужчина и женщина. «Представляешь, все — мужик, а голову — женщина,— сказала я Ваське.— Жаль только, фамилии забыла».— «Ничего,— сказал Васька.— А чью голову — лошади или этого, Петра?» Я смутилась, потом подумала и честно сказала: «Не знаю. Но, наверное, лошади. Она, наверное, специалистка была по лошадям. А Петра — что ж, если все остальное сделал, чего голову-то кому-то другому отдавать?.. А еще знаешь,— почему-то вспомнила я.— Есть такая картина «Мишки в сосновом лесу». Так там тоже два художника рисовали. Один — Шишкин — лес, а другой — мишек. Видно, Шишкин мишек рисовать не умел».— «Шишки в сосновом лесу»,— сказал Жека и засмеялся. Мы с Васькой тоже улыбнулись.

Про Медного всадника я вспомнила еще, что он стоит на трех точках опоры, третья — хвост, но никто этого не замечает, и все думают, что на двух. Про здание двенадцати коллегий — нынешний Университет — что Меншиков вместо двенадцати отдельных домов построил один большой, а на сэкономленные деньги отгрохал себе шикарный дворец. «Молодец! — восхитился находчивостью Меншикова Васька.— Ловкий мужик!»

Для Жеки я рассказала, как разводятся мосты и для чего зажигают факелы на Ростральных колоннах. Больше всего Жеку поразила колонна Александрийская. Он долго ходил вокруг нее и все спрашивал: «Это андел, да?» Про колонну я уж совсем ничего приличного не помнила, только смешное: будто в одном из старых путеводителей по Петербургу было написано, что ангел на колонне изображен в натуральную величину. Я рассказала это Жеке и Ваське, и они оба совершенно одинаково пожали плечами — не поняли, что тут смешого.

Тогда я, наконец, вспомнила, что колонну поставили в честь победы русской армии над Наполеоном. «Слушай,— спросил Васька.— А ты что, когда вырастешь, этой будешь, которые экскурсии водят?..» — «Экскурсоводом, что ли?» Васька кивнул. «Да нет, не собиралась вроде».— «Жаль!» — сказал Васька. «Чего это?» — «А так...— Васька смотрел куда-то в сторону.— Я себе так представил: вот приехал я из Сибири. Ну, взрослый уже. Сажусь на ентом, на пароходике покататься. А там — ты. Тоже, ясно-дело, взрослая. «Посмотрите направо, посмотрите налево...» Потом все уже разошлись, а я — сижу. Тогда ты мне говоришь: «Гражданин, немедленно покиньте пароход!» — «Ну, а ты?» — заинтересовалась я. «А я и говорю: неужто не признала меня, Ольга?» — «А я говорю: и чего это я вас должна признавать?» — включилась в игру я. «А я и говорю: эх, Ольга, как была дурой, так дурой и осталась... То ж я, Васька!» — «Ну, я, конечно, сразу обрадуюсь, расспрашивать начну: Как ты? Где ты?» — «И мы с тобой опять на ентом пароходе поедем. И ты все опять будешь рассказывать. Мне. Вот как сейчас... А у меня к тому времени в Сибири уже работа дельная будет и от людей уважение... И дом там... и огород...» — «И жена и двое детей,— щедро дорисовала я.— Мальчик и девочка». Внезапно Васька нахмурился. «Не будет у меня никакой жены»,— мрачно сказал он. «Почему?» — удивилась я. «Не будет и все».— «Ну, и как хочешь,— я даже обиделась немного.— А только ничего в этом такого нет. Все женятся, когда вырастают». Васька зло сощурил глаза и хотел было что-то сказать, но тут в наш разговор вмешался Жека, до сих пор внимательно прислушивавшийся: «А я где тогда буду?» — с каким-то даже испугом спросил он. «Ну вот мы встретимся с Васькой, покатаемся на пароходе, а потом вдвоем пойдем к тебе в гости,— придумала я.— Твоя мама испечет пирог, а ты напоишь нас чаем...» — «И мы пойдем в гости к Родьке!» — быстро докончил Жека. «Ага»,— с удовольствием согласилась я, украдкой наблюдая за Васькой — злится он еще или нет. Но Жека, к моему удивлению, не кончил. «...В Невскую лавру,— продолжал он.— А Родька к тому времени станет главным попом и будет ходить в золотом плаще, и все другие попы и кто в церковь приходит, будут его слушаться. А тут он увидит нас и как закричит: «А! Вот и вы пришли! Наконец-то и вас Бог принес!» Рассказать, что будет дальше, Жеке не удалось, потому что мы с Васькой захохотали и повалились на ступеньку у подножия Александрийской колонны.

У эрмитажного крыльца я остановилась и, протянув руку, сказала: «Вот! Атланты! Те самые».— «Сила!» — прошептал Васька, задрав голову. Жека долго молчал, потом погладил огромный блестящий палец и сказал тихо и задумчиво: «Какие они... прекрасные...» И я почувствовала, что после Жекиных слов мне говорить ничего не надо.

У Адмиралтейства Жека долго не хотел уходить от фонтана, стоял, как зачарованный, и смотрел наверх, туда, где переламывалась и рассыпалась в бесчисленные брызги прозрачная холодная струя. «Он чего, фонтанов никогда не видел?» — спросила я у Васьки. «Откуда ж ему?» — Васька пожал плечами. «Летом в Петергоф съездим,— пообещала я Жеке.— Там фонтанов этих... ну как поездов на вокзале. И все разные».

На Невском было столько народу, что Жека

крепче вцепился в мою руку, а Васька вжал голову в плечи и тревожно огладывался по сторонам. Прямо на тротуаре сидели художники и рисовали портреты со всех желающих. «А ну, пойдем, поглядим,— решительно сказал Васька и, схватив меня за руку, потащил в самую толчею.— В жизни живых художников не видал». Васька с Жекой долго разглядывали портреты и картины, выставленные для продажи. Я разглядывала людей. Вдруг один из художников, молодой и длинноволосый, дернул другого за полу полосатого пиджака и сказал, указывая пальцем на Ваську: «Мить, ты глянь, какой типаж! Ты глянь, Мить!» Второй художник рисовал портрет крашеной блондинки с лиловыми губами. Наверное, ему было очень трудно, потому что лично я ни за что бы не разобралась, что у нее на лице свое, а что поверх нарисованное. «Пошел ты со своим типажом»,— равнодушно сказал второй художник первому и нарисовал блондинке три длиннющие черные ресницы. «Да нет, ты посмотри, Мить,— не унимался первый.— Какое лицо! Какие страсти! Ну, я понимаю, если бы ему было лет 19, ну, 17, на худой конец. Но ему же и 14 нет! Чистый Вертер!.. Мальчик! Мальчик! — позвал он Ваську.— Поди сюда. Я тебя нарисую». Васька внимательно осмотрел художника с головы до ног и спросил: «За пятерку, да? Сам себя рисуй!» — «Да нет, нет! — первый художник с досадой махнул рукой.— Я тебя даром нарисую. У тебя, понимаешь, очень интересное лицо...» — «Не надо меня рисовать,— отмахнулся Васька и, ткнув в меня пальцем, спросил.— А ее задаром нарисуешь?» — «Не,— рассмеялся художник.— Тебя — задаром, а ее — за пятерку. Ты — интересный тип, а она миленькая, но совершенно обыкновенная девочка».— «Пошли отсюда!» — резко сказал Васька и, не глядя больше на художника, начал продираться к выходу из толпы. Мы с Жекой поспешили за ним. Некоторое время шли молча. Потом Васька сжал левой рукой пальцы правой и сказал, глядя в сторону: «Ты, енто, его не слушай. Ты, если хочешь знать, самая необыкновенная... Взять хотя бы и то, что с нами возишься. А я пятерку достану, и твой портрет чтоб нарисовали. Я его себе заберу».— «Зачем тебе мой портрет, Васька?» — удивилась я. «Значит, надо!» — отрезал Васька. «С ума сойти,— улыбнулась я.— Сколько тебя знаю, ничего, кроме ругани, не слыхала. И вдруг что-то хорошее мне сказал. Я прямо балдею...» — «Смейся, смейся,— зло прервал меня Васька.— С чего это я буду всякие хорошести говорить, если мне в жизни никто никогда доброго слова не сказал? А? Вот только художник ентот — типаж, говорит. Дак то еще тоже неясно — похвалил или обругал?..» — «Вась! — с чувством сказала я.— Хочешь, я тебе много-много слов хороших скажу? Я так сразу не могу, но ты чуть-чуть подожди, и я придумаю. У меня фантазия богатая...» — «Пошла ты со своей фантазией!» — окончательно обозлился Васька и надолго замолчал.

* * *

Я сидела в кухне у окна и ковыряла вилкой в тарелке с винегретом. Рядом с тарелкой лежала раскрытая книга — «Идиот» Достоевского. Я уже прочитала ее и теперь перечитывала понравившиеся места. В общем-то книга мне понравилась, особенно конец. Сильно написано. Но только я подумала, что если бы все эти герои ну хоть что-нибудь делали, хоть где-нибудь работали, то им, может быть, было бы легче во всем разобраться.

Есть не хотелось и в школу не хотелось тоже. За окном было серо и пустынно, только в углу двора яростно рыла землю бродячая трехцветная кошка. Приглядевшись, я заметила человека, сидящего под грибком на углу песочницы. Он сидел совершенно неподвижно и, казалось, спал. «Интересно, что это он тут делает?» — лениво подумала я и в тот же миг не то чтобы узнала, а просто как-то поняла, что этот человек — Васька. Я уколола вилкой язык, вскочила и поперхнулась винегретом. Чтобы Васька сам пришел ко мне и ждал меня, должно было случиться что-то такое... такое... Я схватила несобранный портфель, впрыгнула в уличные туфли и кинулась к выходу. Из ванной выглянула мама в бигудях и в махровом халате. «Ты куда?» — удивленно спросила она. «В школу... забыла... совет отряда... сбор...» — забормотала я, силясь открыть дверь и от волнения проворачивая ручку вечно неисправного замка. «Хорошо, что бабушка ушла в поликлинику!» — подумала я, прыгая через три ступеньки. Во дворе я сразу бросилась к Ваське, хотя была почти уверена, что мама смотрит в окно. Он медленно поднялся мне навстречу. «Что?! — шепотом крикнула я.— Что случилось, Васька?!» — «Жека заболел»,— хрипло сказал Васька. Я несколько раз моргнула и вдруг почувствовала, что растерянность и страх куда-то подевались. Внутри все собралось в один большой комок. «Симптомы какие?» — быстро спросила я. «Чего?» — Васькины тонкие губы болезненно перекосились. «Ну, признаки... болит у него что?» — «Горит весь. И кашель».— «Горло не болит?» — «Нет, вроде».— «Может в больницу?» — «Я тоже думал... Он плачет, просит... Не отдавай меня. Я там помру...» — «Ладно. Жди здесь. Я сейчас»,— я бросила портфель к Васькиным ногам и побежала домой.

Я рылась в аптечке. Мама удивленно и встревоженно сопела за моей спиной. Мысли в голове скакали, но в общем были связаны между собой. Кашель и температура... Либо грипп, либо бронхит, либо воспаление легких... С верхней полки в ладонь вывалился бабушкин фонендоскоп. «Идиотка!» — обругала я себя. Когда-то бабушка предлагала мне научиться пользоваться им, но я отказалась. Слушать человеческие внутренности почему-то казалось мне неприличным. Как бы мне сейчас пригодилось такое умение! Скрипнув зубами, я запихнула фонендоскоп на место. Так... В любом случае — антибиотики... Пенициллин — только для инъекций. Канамицин — отлично, сойдет... Аспирин, амидопирин — жаропонижающее, димедрол — тоже пригодится... Что еще? Я оглянулась, заметила на столе лимон, сунула его в карман. «Может быть, ты объяснишь мне наконец, что происходит?» — произнесла мама, стараясь придать своему голосу железные бабушкины нотки.

«Потом... когда-нибудь... может быть»,— неопределенно пообещала я. В дверях мама сделала слабую попытку остановить меня. Я сходу нырнула под ее руку и как снаряд вылетела на лестничную площадку.

«Значит, так. Запоминай,— я по очереди вкладывала в Васькину ладонь шуршащие пакетики.— Это вот, по 1/3 таблетки через каждые три часа. Это — по четвертинке того и другого — один раз. А это — на ночь, без меня не давай. Вот лимон, давай ему с чаем, как можно больше... Все понял? Да... Время... Вот, возьми! — с сдернула с руки часы и сунула их Ваське.— После уроков я сразу сюда, к вам. Жди!» Васька стоял передо мной, вытянув руки. На одной ладони лежали мои часы, на другой лекарства. Я осторожно загнула пальцы на обеих ладонях. Пальцы были холодные и влажные. Васька опустил сжатые мной кулаки и смотрел куда-то в сторону. Потом
пошел. Я подхватила портфель и побежала в школу.

Часов у меня не было и на последнем уроке я то и дело спрашивала у Наташки, сколько времени осталось до звонка. Наташка сначала отвечала, потом молча задирала рукав и, наконец, не выдержав, спросила: «Ты чего, на пожар что ли торопишься?» — «Да, на пожар!» — ответила я. «Так можешь не торопиться,— Наташка злорадно усмехнулась. Видно, я ее крепко достала своими вопросами.— После этого урока — собрание. От-

четно-выборное. Забыла, что ли?» Ах, черт! Я действительно совсем забыла про это собрание. Хотя еще с утра помнила. Но потом все так завертелось... Школьное... отчетно-выборное... значит, не меньше, чем часа на два, на три... Васька будет ждать... И Жека... И самое главное — что мне никак нельзя сбежать. Потому что я ношу знамя. То есть ношу его, конечно, не я, а Дима Голубев из 7-б. А мы с Мариной Клешенковой просто ходим рядом. Я — впереди, Марина сзади. Или наоборот.

Еще осенью, до того, как меня выбрали в совет отряда, к нам на классный час пришла старшая вожатая Валя и военрук Степан Анатольевич. Мы все встали, а Валя осмотрела нас и спросила у Нины Андреевны: «Это у вас новенькая, да?» И указала на меня. Нина Андреевна сказала: «Да!» Степан Анатольевич спросил: «А как ее из прежней школы характеризуют?» Нина Андреевна объяснила, что из прежней школы меня характеризуют как очень положительную и общественно активную. Степан Анатольевич удовлетворенно хмыкнул, а Валя сказала: «По-моему, то, что надо»,— и велела мне после классного часа зайти в пионерскую.

Когда я туда пришла, там было еще несколько девочек и мальчиков из других классов. Нас разбили на тройки, и Валя сказала, что нам будет доверено носить знамя пионерской дружины имени героя Советского Союза Е. А. Никонова, и мы должны страшно гордиться и в то же время понимать, какая ответственность на нас возложена. «Вы понимаете, о чем я говорю?» — спросила Валя. «Понимаем, понимаем»,— загудели все. Валя строго посмотрела на меня, наверное, потому, что я была новенькая и спросила: «Ты! Понимаешь?» Я вскинула руку и сказала: «Всегда готов!» — а потом посмотрела на Степана Анатольевича и добавила: «Служу Советскому Союзу!» Валя улыбнулась, а Степан Анатольевич опять одобрительно хмыкнул, и я почувствовала, что я ему очень нравлюсь.

Потом нас учили правильно ходить, поворачиваться на месте, приставлять ногу и махать руками. У меня все получалось, и Степан Анатольевич сказал, что у меня врожденное чувство строя. Я потом целый день думала: хорошо это или плохо?

* * *

Валя сидела за столом в пионерской и, заткнув уши, читала какие-то листки. Я подошла к ней вплотную и громко позвала: «Валя!» Она вздрогнула и посмотрела на меня совершенно отрешенно: «А? Что?» — «Валя,— сказала я.— Я сегодня не могу носить знамя. Мне надо уйти. Пусть кто-нибудь другой...» — «Да ты что, с ума сошла, что ли! — закричала Валя.— Кто это — другой?! У вас же — основная тройка! На открытие и на закрытие. Вас же специально готовили!» — «Валя! — не сдавалась я.— Пойми! Мне надо!» — «Всем надо! — отрезала Валя и, смягчившись, добавила.— Ну, предупредила бы за неделю. Может, и придумали бы чего. А сейчас — ну кого я поставлю? Ведь отчетное же собрание. Сама понимать должна, не маленькая. Из райкома придут...» — «Мне надо»,— упрямо, глядя в пол, повторила я. Несколько секунд было тихо. Потом Валя покосилась в угол, где на подставке стояло знамя дружины, и вкрадчиво спросила: «Клятву давала?» Я кивнула головой. «Ну вот и выполняй!» — Валя облегченно вздохнула и даже улыбнулась от радости, что нашла верный довод. Я повернулась и, почему-то чеканя шаг, вышла из пионерской.

В раздевалке меня ждала Ира Смирнова. «Ну что?» — спросила она. «Не разрешила»,— уныло сказала я. «Надо было соврать, что живот болит»,— сказала Ира. «Надо было,— согласилась я.— Но противно же...» — «Противно,— подтвердила Ира.— А если иначе нельзя...» И вдруг меня осенило. «Ирка! Ты сможешь пройти за флагом? Я скажу Маринке, она пойдет вперед, ты только не отставай и все...» — «Кто меня пустит?» — спросила Ира. «Пустят,— решительно возразила я.— Я так сделаю, что никто и не поймет ничего. А ты сядь в первом ряду, сбоку и смотри на меня. Как я пойду к выходу, ты тоже иди. Поняла?» — «Ладно,— кивнула Ира.— Но ведь тебе влетит...» — «А если иначе нельзя...» — передразнила я Ирку и пожала плечами.

Вообще-то в старой школе я любила отчетно-выборные собрания. И всегда в них участвовала. На каждом собрании мне давали книгу. За успехи в учебе и активное участие в жизни школы. Книги всегда были хорошие, но такие, из которых я уже выросла. В прошлом году, например, подарили Короленко «Слепой музыкант»... На этот раз на отдельном столе тоже лежали стопки книг. Проходя мимо стола, я прочитала несколько названий и теперь старалась угадать, чем меня наградят. Хорошо бы дали «Дети капитана Гранта». Я ее еще не читала. Не то, чтобы мне очень хотелось книгу, я думала об этом просто для того, чтобы не волноваться. Ирка, белая, как лист бумаги, сидела в углу, у самой двери.

Вот идет сменяющая нас тройка. Леша и две Светы. Мы обменялись салютами, Дима передал Леше знамя. Я спускаюсь со ступенек. Дима и Маринка — за мной. Сейчас мы должны сесть в первом ряду и ждать своей очереди. На сцене председатель совета дружины Галя Маслова что-то читает по бумажке. В зале шушукаются, читают книги, играют. Раньше я сердилась на тех, кто говорил, что собрания — это ужасная скучища, а сейчас вот в один момент поняла, что для тех, кто не выступает, кого не ругают в докладе и не награждают книжками, это действительно ужасно скучно. Мне вдруг стало страшно жарко. Рубашка между лопатками намокла, и над верхней губой выступили капельки пота. Ноги сами несли меня к первому ряду. Я подумала, что если бы я была двоечником и хулиганом, то мне сейчас ничего не стоило бы даже колесом пройтись. Если бы я, к примеру, умела. Но ведь я столько лет была положительной и дисциплинированной...

Я вспомнила утреннее Васькино лицо, похожее на маску, и, печатая шаг, зашагала в темноту дверного проема. «Ты куда?!» — зашипел Дима, но, как я и рассчитывала, пошел за мной. Маринка, естественно, тоже.

«Ты чего? — Дима покрутил пальцем у виска.— Рехнулась, что ли?!» Мне показалось, что сейчас он меня стукнет. Маринке, наверное, тоже так показалось, потому что она на всякий случай отошла в сторону. «Ребята, не сердитесь,— сказала я и резанула ладонью по горлу.— Вот так надо уйти. А Валя не разрешила. Она вот с вами пойдет,— я показала на Ирку.— Она умеет. А я побегу. Вот так надо!» — «Ну ладно, беги,— смягчился Дима.— Могла бы и предупредить, между прочим... А ты смотри у меня,— строго сказал он Ирке.— Чтоб не спотыкаться... Ладно, пошли в зал...» — «Спасибо, ребята»,— шепнула я, кивнула Ирке и, схватив спрятанный за углом портфель, побежала вниз.

* * *

Жека лежал на спине и смотрел в потолок широко открытыми глазами. В каждом зрачке отражалась керосиновая лампа, пристроенная Васькой в изголовье. «Ну как?» — спросила я. «Все так же».— «Температура спала?» — «Вроде. Весь мокрый был».— «Переодеть есть во что?» — «Уже переодел».— «Хорошо. Но к вечеру опять будет подниматься... Антибиотики даешь?» — «Чего это?» — «Ну, большие таблетки, через три часа...» — «А... Те... Те даю».— «Нормально. На, пожуй»,— я сунула Ваське одно из Иркиных яблок. Обычно он припрятывал все, что я давала ему, а потом скармливал Жеке, но сейчас я смотрела на него и он, нахмурившись, надкусил яблочный бок. «Жеке еще есть,— сказала я.— Хорошо бы пюре сделать».— «Можно,— согласился Васька.— Прямо внутрях».— «Как внутрях?» — удивилась я. «Запросто,— Васька снисходительно усмехнулся.— Мы в инкубаторе так часто делали. Яблоки там хоть и давали, а не укусишь. А помнешь — и пойдет. Дай, покажу...» Васька положил надкушенное яблоко на ящик, забрал у меня второе и принялся быстро вертеть его в пальцах, аккуратно, но сильно надавливая на бока. На белой мякоти надкусанного яблока я заметила следы крови. «Отчего это, Васька?» — «А! Пасть кровит,— равнодушно объяснил Васька, продолжая вертеть в пальцах яблоко.— И зубы шатаются. Но не болит нимало. Чухня!» — «У Васьки цинга»,— подумала я и сама удивилась тому, как спокойно я это подумала. Еще совсем недавно эта фраза была бы для меня с тремя, нет, с десятью восклицательными знаками. Потому что цинга — это что-то из позапрошлого века, из экспедиций Колумба и капитана Кука... А сейчас мне вполне хватило одной точки. И еще почему-то вспомнились голодающие дети из Африки. И именно в этот момент я отчетливо поняла, что они действительно есть. Раньше я смотрела на фотографии в газетах и картинки в журналах, но вроде бы не понимала, что это на самом деле. Хотя какая связь между Васькой и африканскими негритятами? «Надо иголки еловые заваривать и пить это,— посоветовала я.— Тогда пройдет».— «Была нужда!» — фыркнул Васька. «Знаешь, а в Африке каждый год миллион детей умирает. От голода»,— сказала я. Васька внимательно посмотрел на меня, задумчиво почесал ногтем за ухом и серьезно сказал: «У нас меньше, наверное». Мне отчего-то вдруг стало холодно, по спине поползли мурашки. И еще я четко представила себе этот миллион голодающих детей. «Брось,— сказал

Васька, внимательно наблюдавший за выражением моего лица.— Не думай. Нимало не думай. А то крыша поедет. Если обо всем думать, что видал, да еще и про Африку, то обязательно поедет. Брось!» — «Не могу!» — пожаловалась я. «Ну тогда вот картохи почисти. И пюре енто соскреби. Оченно помогает»,— усмехнулся Васька, протягивая мне яблоко. После его манипуляций оно стало мягким как вата, а внутри явно прощупывался стержень. «Здорово!» — удивилась я и, надорвав кожицу, стала счищать пюре в подставленную Васькой кружку.

«Темно уже. Домой иди. Хватятся»,— сказал Васька, вернувшись с улицы. «А вы?» — «Чего мы? — Васька пожал плечами.— Маленькие, что ль?» И тут же губы его некрасиво сморщились и, словно бы против воли выталкивая из себя слова, он спросил: «А если худо совсем будет, что делать?» — «Скорую» вызывай»,— твердо сказала я.— «А поедет сюда?» — «Конечно, поедет. Встретишь только».— «А его как же оставить?» Я задумалась. Одному Ваське и вправду не справиться с больным Жекой. Значит, надо либо сейчас вызывать «скорую», либо... «Я остаюсь»,— сказала я и поплотнее уселась на ящике, демонстрируя серьезность своих намерений. «Чего остаюсь?» — глупо улыбнувшись, спросил Васька, но по его лицу я увидела, что он все понял. «Здесь остаюсь, на ночь. Сегодня тяжело будет. Если обойдется, то дальше легче. Ты справишься». Улыбка медленно сползла с Васькиного лица, сменившись «предкриковой» мрачностью. «Ты чего, совсем, что ли?! Твои предки милицию на ноги поднимут! Заложить нас хочешь, да?! Катись отсюда!» — «Вали! — поправила я и улыбнулась. Сказать по правде, через силу.— Я сейчас им позвоню, скажу, что все в порядке и чтобы не искали. Подожди».

Я набрала номер телефона, слушала гудки и смотрела, как дрожит в моих руках телефонная трубка. «Мама! — быстро сказала я, услышав знакомый голос.— Я сегодня не приду ночевать. Так нужно. Есть люди, которым нужна моя помощь. Не ищите меня и никуда не звоните. Я приду завтра, после школы. До свидания». Я быстро положила трубку и мокрой ладонью вытерла мокрый лоб.

Всю ночь Жека бредил. Васька бегал за водой, я меняла компрессы и поила Жеку чаем с лимоном. К утру Васька тоже начал нести какую-то чушь, а я сидела и вспоминала, заразная ли болезнь воспаление легких. Спать мне почему-то совсем не хотелось.

Когда рассвело, Жека затих, температура упала, и дыхание стало почти нормальным. «Смотри, кажется кризис был. Теперь на поправку пойдет»,— весело сказала я Ваське. Васька как-то странно и сумрачно на меня поглядел, повалился на матрац и почти мгновенно уснул. Я поправила на Жеке одеяло, взяла портфель и пошла в школу.

Продолжение следует.

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

В прошлом году мы напечатали фантастический рассказ москвича ***Володи Павлова*** *«Невоспитанный подарок». На этот раз ситуация в новом Володином рассказе самая реальная. Но Володя умеет найти в своих рассказах неожиданную и забавную концовку. Это довольно редкое и ценное качество!*

НЕВЕЗУЧИЙ МИША БЕЛКИН

Шестиклассник Миша Белкин учился плохо. Но никогда он не был так зол на дневник, как сегодня. Еще бы! Этот предатель нес в себе четыре двойки и замечание за плохое поведение на уроке русского языка. О том, чтобы вырвать страницу из дневника, не могло быть и речи. Мишины родители давно пронумеровали страницы, как они выражались, «на всякий случай». Оставалось одно — потерять дневник, а когда родители хватятся и начнут искать, сделать удивленный вид и тоже приняться за поиски. А потом сказать, что, видимо, потерял. Такой прием уже применял Петька Зубарев, тоже двоечник. И родители его поверили.

Миша Белкин сел за первую попавшуюся скамейку и, вынув из портфеля дневник, огляделся. Поблизости никого не было, если не считать маленькой старушки, занимавшейся вязанием. Миша положил дневник на край скамейки. Посидел немного, затем встал, взял портфель и пошел себе. Он уже облегченно вздохнул, как вдруг услышал сзади себя голос:

— Мальчик, ты дневник забыл.

Миша резко обернулся. Старушка с вязанием в руках протягивала ему дневник. Мише ничего не оставалось, как взять дневник и сказать «спасибо».

Вскоре он вошел в автобус и сел на свободное место у окна. Рядом место пустовало. Впереди сидела женщина и с ней девочка в синем пальто. Проехав несколько остановок, Миша положил на сиденье дневник, встал и направился к выходу.

— Граждане! — раздался голос какого-то мужчины.— Кто забыл дневник?

— Я видела! Вот тот мальчик,— заверещала девочка в синем. Миша рванулся к двери, но выйти из автобуса не успел. Кто-то схватил его за руку и сказал:

— Мальчик, ты дневник забыл.

После всех попыток избавиться от дневника Миша решил утопить его. Он подошел к котловану с водой, бросил дневник и, не оглядываясь, пошел домой. На этот раз его никто не окликнул.

...Вечером в дверь Мишиной квартиры позвонили. Родители его были уже дома, но дневник еще не спрашивали. Миша открыл дверь. Перед ним стоял Гриша Петров. Он был отличником и сидел с Мишей за одной партой.

— Ты... это... того... отдай мой дневник,— робко начал он.

— Чего? Чего? — не понял Миша.

— Ну, когда ты сегодня уходил из класса,— выдохнул Петров,— то взял мой дневник, а свой оставил мне. На! Держи!

И он протянул Мише его дневник.

„И только о любви мы будем говорить..."

Так что же? Что же? Снова пришли в редакцию ваши письма о любви. А помочь я разве в силах вам? Ну да,— вы растревожены, и больно вам, и печально, и хочется не жить, не спать и уж конечно, не есть ничего. Некуда себя деть. Что же это — хворь такая?

«Я, наверно, заболел.
У меня звенит в ушах.
У меня рябит в глазах.
И знобит, и лихорадит.
И тошнит. И сводит пальцы.
Я, наверно, заболел».

Висколов Алексей.
Таганрог, 7-а.

«Закричу! Но немею. Побегу! А сама стою! Я погибаю от любви к Боре...». Алена, Темиртау.

«Я летать не могу. Мне летать не дано. Но я, если не умру от любви в среду, в четверг постараюсь и полечу. Я полечу туда, где мы будем вместе». Е., 11 лет.

«Я влюбилась. Да, но в того, кого все унижают. Я не хочу любить! Не хочу! Помогите мне разлюбить! Я хочу быть свободной, свободной от этих жалких и высоких мук!» Лена, Кемеровская обл.

О, да! Это мука. И так, как любишь ты, никто еще до тебя не любил ни разу. Твоя любовь — самая сильная, страстная, неистовая. Сладкая-сладкая (горькая-горькая) хворь, да? Мечешься по комнате, хватаешься за все, что попадается под руку. А попадаются обычно перо и бумага, пластинки, телефонная трубка. Открываешь и закрываешь окно и холодильник — зачем-то... Или нет: не мечешься и ни за что не хватаешься, ничего не открываешь — болеешь тихо...

Страдаешь? О боже, как мучительно, и горько, и сладко...

«Я хочу тебе сказать пару слов. Я хочу тебе шепнуть хоть теперь. Но тебе их не скажу — ты ушел. За тобой давно захлопнулась дверь. Ты давно-давно ушел... Что делать?». Галя, Энергоград.

«Я страдаю и пишу. Мой первый в жизни стих — про любовь: «Ты извини меня за то, что не любил тебя, ты извини меня за то, что изменил тебе». Лена, 11 лет, Куйбышев.

«Вырос подснежник. И даже нам с тобой, разочарованным в любви, он доставил радость. Он весело смотрел на нас — на тебя и на меня. Обдал нас ароматом. Благоуханием своим. И были рядом мы — я и ты, грустные, и подснежник — веселый». Наташа, Томская обл.

«Он приходил ко мне и синими глазами смотрел в мои зеленые глаза. Я сказала: «Ты меня не любишь! Ты к другой ходишь!» Ты сказал: «Это правда!» И ушел. Прощай, мой нежный ангел!» Соня, Ленинград.

«Я больше не люблю тебя. Я не хочу с тобою быть. Я ухожу. А ты же будь одна! Ты наказана за дурь свою!» И. Л., Иркутск.

«Ночь. А я лежу и думаю о нем. О том, кто ночью спит и не думает обо мне...». Анара, Семипалатинск.

«Та весна была теплая-теплая. Мы случайно с ним повстречались. Бегаю теперь за ним как собачка...». Н., Моск. обл.

«Разве плохо, если девочка полюбила мальчика? Ведь мальчик защищает девочку, а она может помочь ему готовить уроки. Детям хорошо вдвоем». Таня, Минск.

«Мне хотелось бы дружить с ним близко. Мальчики из моего класса называют меня его любовницей, а он поддакивает: «Да, да...». А еще — нет». Елена, 12 лет, Рязанская обл.

«Если в друг друга часто влюбляться, то знаете ли...». Миша, Винница.

«Этот мальчик плохой, даже очень. Он курит, любит всех подряд. Но не меня!» Оля, Ленинград.

Господи, да почему же я все — хворь да хворь. Ужасно все это — не есть, не спать. А хорошо. Вот после этого я точно знаю — не хворь: *«И вдруг! О, что я вижу! Ты! И у тебя в руках цветы? Ты кинул камушком в окно. За ним уже не холодно и не темно. И я уже по лестнице бегу. Ведь без тебя я не могу». Люба, 12 лет, Владимирская обл.*

«Снег падает на твердую землю. Мороз и красота. Увидел я тебя, мой друг, в автобусе Но почему угрюма ты? Ведь ты всегда весела! Да, ведь мы с тобой поссорились вчера. Ну все, не будем больше злиться. Прости меня, мой ангел». Алексей, Московская обл.

А вот — мое любимое письмо о любви: *«Жил в лесу маленький зайчонок. Он был очень любопытный. Все хотел узнать — чуть ли не с пеленок: «Почему разгораются вдруг страсть и пыл?!»*

Что же за умница Таня-пятиклассница из города Химки!

Письма о любви читала
Н. КЛЕПИКОВА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «У КОСТРА»

Дорогие ребята!

В нашем журнале открывается всесоюзная заочная литературная студия «У костра». Она для тех из вас, чьи первые литературные опыты говорят о несомненной талантливости юного автора. Писем от юных поэтов и прозаиков мы получаем много. Но в большинстве случаев ребята сами понимают, что написанное стихотворение, рассказ или сказка — случайное событие в их жизни. Хотя и для них, считает редакция, будет интересен разговор о литературном творчестве. На страницах журнала выступят известные писатели, которые расскажут вам о секретах литературного мастерства, о тайне поэтического слова, об умении быть — Читателем.

Тех, кто считает, что они могут быть членами нашей студии, просим присылать свои произведения с пометкой «Литературная студия «У костра».

В будущем мы надеемся устраивать встречи-семинары для наиболее одаренных ребят в Ленинграде.

А первое занятие студии сегодня проводит известный детский поэт, давний член редколлегии «Костра» **Екатерина Васильевна СЕРОВА.**

О рифме и не только о ней

Можно бесконечно говорить о том, что такое поэзия, и все равно все до конца не объяснишь. Но есть у стихов начинающих поэтов какие-то общие недостатки, о них я и хочу поговорить.

Начнем с содержания.

Оно должно быть интересным и понятным не только вам или вашим родным и друзьям. Ведь если оно будет напечатано, стихотворение прочтут тысячи школьников.

Вы должны в привычных вещах и событиях найти что-то новое, неожиданное, совершить хотя бы маленькое открытие, тогда это будет интересно всем.

Достаточно иногда найти свои неизбитые, нестершиеся от частого употребления слова или сочетания слов, выразить свой взгляд на что-то.

Но содержание стихов так бесконечно разнообразно, что о нем можно сказать только самые общие слова.

Другое дело — форма стихов, неразрывно связанная с содержанием.

Есть определенные правила стихосложения. Говорят, что правила для того и существуют, чтобы их нарушать. Это порой справедливо. Но чтобы что-то сознательно нарушить, надо это «что-то» основательно знать.

Поговорим для начала о рифме — существенной части стихотворения.

Некоторые начинающие поэты выражают свои чувства, не затрачивая труда на поиски рифм, и пишут, что это «белые стихи» — стихи без рифмы. Но для того, чтобы написать белые стихи, нужно иметь большой опыт либо идеальный поэтический слух. Опыта начинающий поэт, естественно, не имеет.

Для начинающего поэта советы, касающиеся рифмы, по-моему, можно сформулировать кратко и просто: рифма не должна быть первой попавшейся, лежащей на поверхности.

Приведу пример из поэмы «Почта» любимого мною Маршака. Он рассказывает о письме, «облетевшем шар земной» вслед за его другом, писателем Житковым:

В дороге письмо
Не пьет и не ест
И только одно твердит:
«Срочное, Англия, Лондон-Вест,
Четырнадцать, Бобкин-стрит».

Необычные рифмы: «ест-вест», «твердит-стрит» подсказаны самим содержанием поэмы.

Эти стихи я читала в школьные годы, с тех пор прошло много лет, но «Почту» я помню наизусть от первой до последней строчки. Все в ней неожиданно, увлекательно. Письмо, которое «не пьет и не ест» и только твердит адрес, вдруг оживает и удивляет нас.

Бывают разные исключения из правил.

Как будто бы, рифма тем точнее и звучнее, чем больше букв совпадают в двух рифмующихся словах. Но ни один современный поэт не позволит себе рифмовать: «Коля и Оля», «Саша и Маша», хотя совпадение звучания тут есть. В русском перечне имен точные рифмы можно подобрать чисто механически, это скучно.

Проще всего рифмовать слова с одинаковым корнем: «учить-изучить», «брать-подобрать», но именно поэтому и не стоит это делать, хотя в этих словах совпадают пять последних букв.

Но почему же, например, рифма: «говорит-норовит», где чуть-чуть переставлены буквы, вполне годится?

Мы уже подходим к словам, в которых повторяются в разном порядке отдельные буквы. Такие рифмы имеют название — ассонанс. Этот способ рифмовки тоже требует большого чутья и умения.

Неточность рифмы в большой сюжетной поэме может пройти незамеченной. Но если ваше стихотворение состоит из четырех строчек, то в нем каждое слово и каждая рифма значит очень много, особенно важна последняя строчка.

Есть русские пословицы, которые имеют звучные рифмы: «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда». Но живут веками и нерифмованные пословицы. Например. «Жизнь прожить — не поле перейти». Тут есть и яркий образ, и жизненная философия, созданная народной мудростью и выраженная в одной единственной фразе. Другое дело, что строить стихотворение на одной такой фразе нет смысла — в ней уже все сказано.

Начинающие стихотворцы часто рифмуют глаголы. Опытные поэты их избегают. Ведь в русском языке ничего не стоит найти глагольную рифму: «стоит-говорит», «шумит-журчит-блестит» и т. д.

Значит ли это, что нельзя употреблять глагольные рифмы? Отнюдь нет.

Если в сюжетном поэтическом рассказе — поэме возникает стремительное действие, без глаголов просто не обойтись. Вспомним поэму «Полтава» Пушкина:

«Швед, русский — колет,
рубит, режет...»

Какая энергия в этой строчке, как великолепно передана сумятица рукопашного боя! Правда, рифма к глаголу «режет» не глагол, а существительное — «скрежет». Прекрасная рифма, если можно так выразиться, «наполовину глагольная».

Но у того же Пушкина в «Сказке о царе Салтане» так рассказывается о царевне-лебеди:

«А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит».

«Говорит-журчит» — чисто глагольная рифма и не такая уж точная. Но зато между двумя строчками есть чудесная перекличка в словах «речь» и «реченька», имеющих, казалось бы, совсем разный смысл. И эта ласковая перекличка делает строки незабываемыми.

Кто не знает потрясающих пророческих строк Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...

Лермонтов угадал голубое сиянье Земли задолго до того, как люди впервые увидели Землю из космоса.

Я твердила эти стихи множество раз в самые трудные минуты жизни и никогда не думала о том, что в них есть не очень точная глагольная рифма: «блестит-говорит». А у всякого другого поэта эта рифма будет резать слух, помешает восприятию стихов.

Тайну гения разгадать нельзя.

Но не дай вам Бог с юных лет вообразить себя гениями, если вам удалось написать, а, может быть, и напечатать несколько хороших стихотворений. Возможно, вы даже не станете профессиональными поэтами, у вас откроется талант в каком-то другом деле. Но умение написать хорошее стихотворение обязательно принесет вам радость.

То, что я пишу — не статья, а просто обращение к тем, кто делает первые шаги в стране Поэзии. И пока я говорила с вами только о маленькой жительнице этой великой страны — рифме.

Рисунок К. Почтенной

N БАРАБАН 3

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ ПЕЧАТАЕТ ТВОИ ЗАМЕТКИ, РИСУНКИ, СНИМКИ

Десятый всесоюзный слет пионеров — уже история. С его решениями вы, наверное, уже знакомы. А знакомы ли вы с детскими организациями, которые появились в нашей стране!

У нас в гостях — делегаты X Всесоюзного слета.

Дом, который открыт для всех

Почти целый год обсуждали все ребята Молдовы, какой быть новой детской организации. Решили, назовем ее «Ватра» («Очаг»), будем беречь и изучать национальные традиции и ремесла, охранять природу и памятники. Мы хотим, чтобы в «Ватре» каждый чувствовал себя среди друзей, которого уважают и понимают.

Сегодня в Молдове у нас много сторонников. Правда, некоторые мальчики и девочки захотели остаться пионерами и не вступили в «Ватру», но мы не в обиде на них. Каждый должен быть там, где ему интереснее. А вход в наш ДОМ открыт для всех.

Наташа Кику,
Гена Руссу,
Петр Делинский,
Ира Малой,
Молдова

Мое главное увлечение — политика. Так уж получилось у нас в Армении, что ею сейчас все заняты. И мои друзья, конечно, тоже. Нас интересуют события, которые происходят в стране, в нашей и других республиках. Короче, жить без свежих новостей мы просто не можем. Вот и объединились в клуб «Юный парламентарий». Вместе обсуждаем законы, которые на своих сессиях принимают народные депутаты, высказываем друг другу свое мнение и свои поправки.

А если что-то непонятно, собираемся и идем к зданию, где заседает Верховный Совет Армении. Дожидаемся, когда после рабочего дня выйдут депутаты, и задаем им свои вопросы. А иногда понять происходящее нам помогает мой дедушка, юрист.

Может, кто-то и считает нас чудаками, которые лезут не в свое дело, но мы занимаемся тем, что нам нравится, и считаем свою работу полезной. Многие свои замечания мы передаем в комитет по делам молодежи в комиссии Верховного Совета республики.

Мы никому не навязываем своих взглядов, но когда нас просят ровесники, с удовольствием рассказываем обо всем,

что узнали и в чем сумели разобраться сами. Ведь каждый культурный человек должен уметь разбираться в событиях, которые происходят в твоем городе, в твоей республике, в твоей стране.

У нас нет взрослого руководителя, нет даже плана работы и совета клуба. И никто не тянет в него силком, как тянули когда-то на пионерские сборы. Но мы существуем! И клуб наш будет жить, пока нам интересно!

Виген Саркисян,
Ереван

Ларец за семью печатями

В Артек мы приехали из Латвии, и на слете все спрашивали: почему у нас разноцветные галстуки. А вот почему. В нашей республике есть четыре исторические области. Поэтому у членов СПЛ — Союза пионеров Латвии — четыре цвета галстуков. Те, кто из Латгалии, носят синий галстук, жители Видземе — оранжевый, ребята Земгале — коричневый, а Курземе — зеленый.

Как живет наша организация? Каждый, кто в нее вступает, должен добраться до волшебного ларца. В нем хранятся три клубка мудрости — клубок чести, клубок труда и клубок Отечества. А открывается ларец семью ключами — семью правилами пионеров Латвии. Не быстро подбираются ключи, но ведь и в наш Союз ребята приходят не на один год.

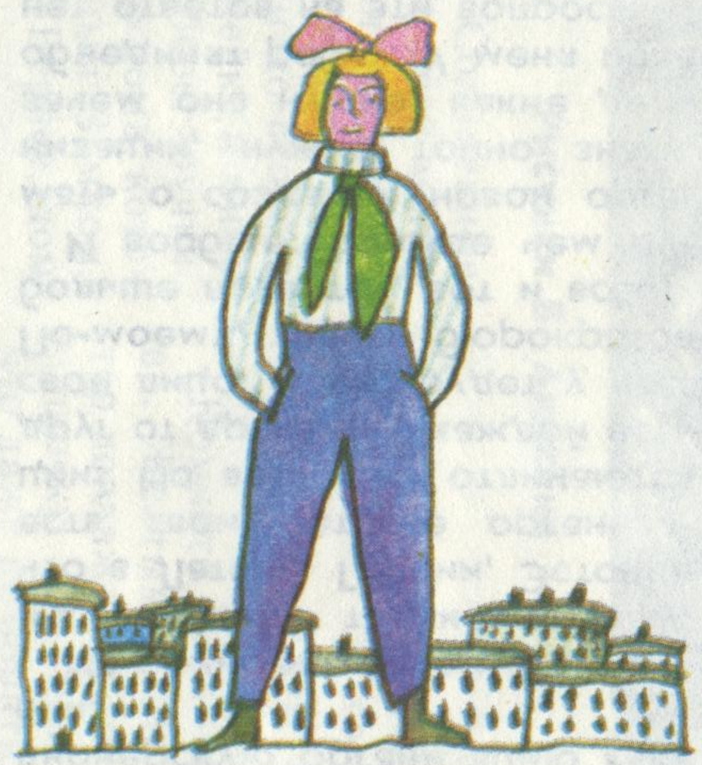

Почему мы называем себя пионерами, хотя не носим красных галстуков и знамя нашей организации не красное, а полосатое, составленное из цветов наших галстуков. Нам нравится слово пионер. Оно ведь нисколько не виновато, что на него налипло много серого, скучного, формального.

Нашим Союзом управляет парламент. В нем две палаты — взрослая и детская. Все вопросы стараемся решать сообща, но иногда мнения расходятся... В этом случае детская палата может воспользоваться правом «вето». То есть, если мы чего-то не хотим, с чем-то не согласны, можем настоять на своем.

Один раз такое было: готовили республиканский слет, и наша палата предложила устроить ночную программу, а взрослые не соглашались. Но после они не жалели, что «подчинились» нам. Было так здорово! Гуляли по ночной Риге, танцевали на дискотеке, читали стихи у памятника Райнису.

Дита Гребежка,
Юля Михайловская,
Латвия

Взрослые принимаются по конкурсу

Защита природы, любовь к ближним, защита мира — вот главные идеи Союза зеленых Грузии.

Как я пришел в союз? Узнал в школе, что действует какая-то «подпольная» организация, где ребята снимают фильмы о природе, учатся фотографировать, сажают деревья, заботятся о детдомовцах.

Я пришел туда, и теперь я знаю, что живу не зря. Дело не только в фильмах, которые мы снимаем, чтобы люди задумались о своем отношении к природе. Разве можно забыть, как ты сажал дерево или цветы, ухаживал за ними?

Но больше всего запомнились наши походы в детский дом. Мы фотографировали ребят и дарили им фотографии. Ведь у них нет родителей, нет семейных альбомов, а наши снимки останутся у каждого.

Мы стараемся много читать о природе, и у нас возникает много вопросов. Со своими вопросами мы идем к взрослым. Точнее, они приходят к нам — биологи, врачи, юристы, педагоги. Из них мы сами выбираем себе консультантов и советников, которые работают с нами без всяких денег. Они работают потому, что им нравится дело, которое мы делаем вместе.

Тенгиз Колоян,
Грузия

Мы — пионеры. Да-да, обыкновенные пионеры из Львова. Мы носим красные галстуки и не собираемся их снимать. Хотя во Львове это теперь небезопасно. Пионеров не только дразнят, но и бьют.

В городе идут бесконечные митинги, снимают памятники Ленину, а в школах пионерской организации больше нет. Мы чувствуем себя выставленными под забор со своими чемоданами. Городскому совету пионерской организации даже собраться негде.

Но мы хотим остаться пионерами, нам дорога история пионерии, и мы не хотим, как некоторые, забывать ее героев.

Мы не против других детских организаций, хотя «Пласт», действующий во Львове, нам и не нравится. Почему? Главное условие вступления в эту организацию — чистокровное украинское происхождение. А мы против национализма!

Конечно, в пионерской организации было и плохое, но мы верим, все поправимо. Если красные галстуки ребята будут носить сознательно, то и жизнь у нас будет другая. Разве мы не имеем права в это верить?

Теперь люди во что только не верят — в гороскопы, в экстрасенсов, в Бога — и никто над ними не смеется, не издевается.

Но почему же тогда нашу веру в пионерскую организацию многие не хотят уважать?

Наташа Ткачук,
Лена Ситникова,
София Темненко,
Львов

На слете было много разговоров, мол, нужно создавать пионерскую организацию России.

Не понимаю, зачем это нужно. Неужели только потому, что в Латвии, Грузии, Эстонии есть свои детские организации? Но ведь они отличаются друг от друга, и у каждой есть свое лицо. А что будет у нас? По-моему, только бюрократов больше появится, вот и все.

И вообще: прежде чем думать о создании новой организации, нужно точно знать, зачем она нужна, какие дела объединят ребят. У меня пока нет ответов на эти вопросы.

Андрей Тебякин,
Невинномысск

«Барабан» знает, за последнее время в разных уголках страны появились новые детские объединения и даже целые организации. И будет рад получить письма от всех, чья жизнь после Слета действительно изменилась.

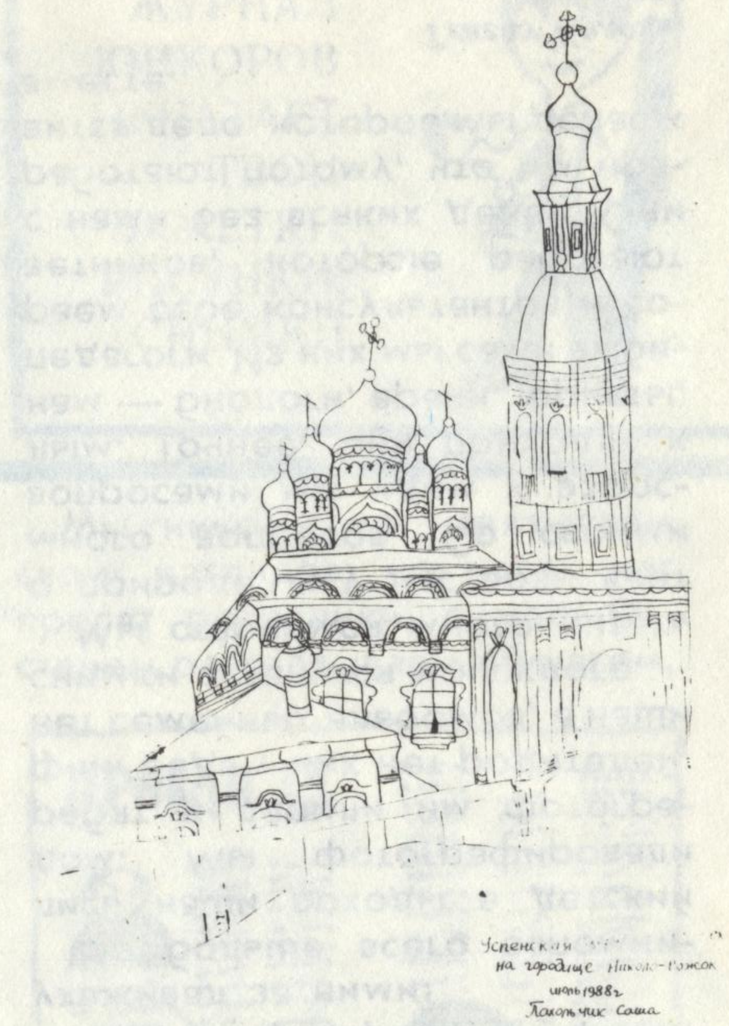

Рисунок Цикиновской Иры

Рисунки В. Аникина

Я тут же хотел вести человечка Соломенные ножки к тому Подземельному Замку моей молодости. Даже начал припоминать дорогу туда. Вот этой улицей и тем переулком. Вон тот двор надо пройти насквозь. И тем сквером идти до старого клена. А потом свернуть на узкую аллейку и мимо лужайки с качелями выбраться на берег ручья. Тут уж недалеко. Но что это? Нет того дома, который вырастал над моим Подземельным Замком, скрывая его от случайных прохожих. Вернее, дом стоит. Но стал он намного ниже.

И я догадался. Мы не сможем добраться до Подземельного Замка. Окна его давно вросли в землю. И не висят в воздухе их отражения. Да. Трудно, даже невозможно заглянуть в окна, которых уже нет. А дерево? Дерево где? Я обошел дом вокруг. С какой его стороны росло то самое Поющее дерево моей молодости? Может быть, вон тот пенек, из которого сделали удобный и прочный стол для вечерних игр в громкое домино и тихие шашки? Или вон та поленница? Для чего она? Печи в этом доме не топят — есть водяное отопление. Батареи.

Прервал мои размышления человечек Соломенные ножки. Он взял из поленницы небольшую чурочку и стукнул по ней кулачком. И приложил к ее шершавому боку ухо. Что-то, наверное, он услышал, потому что вдруг ринулся в подъезд.

— Идем-идем-он-живет-здесь-я-знаю! — выкрикивал он, взбегая на верхний этаж дома.

Я только успел скосить глаза на уходящий вниз, в подвал лестничный марш. Он обрывался странно, упираясь в глухую кирпичную стену. Наверное, это все-таки не тот дом, под которым скрыт был мой Подземельный Замок. Я догнал человечка Соломенные ножки уже почти на чердаке. Он стоял у двери и поглядывал на кнопку звонка, поджидая меня. Сам дотянуться не мог. На двери висела табличка. Написано на ней было одно слово: «МАСТЕР».

Окончание. Начало см. в №№ 1, 2.

Глава 13,

в которую мы попадаем через поленницу и которая называется

«ЯНТАРНЫЙ СУП»

Комната была наполнена теплым запахом дерева. Желтыми, почти янтарными пальцами Мастер поглаживал тонкую, изогнутую, как балерина, дощечку. Он был так увлечен своей дощечкой, что даже не обратил внимания на меня. Тем более он не заметил человечка Соломенные ножки. А тот прошмыгнул под низким верстаком и вскарабкался на груду чурбаков, сложенных в углу крохотной поленницей. Верхний темный и сухой чурбачок скатился на пол с прозрачным звоном.

Мастер встрепенулся и поднял глаза на меня. Глаза его оказались тоже цвета янтаря. При виде меня он вовсе и не удивился.

— Минуточку, — сказал он и подскочил к плите, на которой бурлила небольшая медная кастрюля.

«Суп варит, — подумал я. — Человеку обедать пора, а мы его отрываем. Неудобно».

Но суп в кастрюле был какой-то странный. Из-под крышки вырывались золотистые клубы пара, пахнущего смолой. Мастер осторожно снял крышку, помешал непонятное варево деревянной лопаточкой, потом приподнял лопаточку над кастрюлей. С нее стекала вязкая медовая капля величиной со сливу. Мастер причмокнул.

— Еще чуть поварить и готово, — сказал он.

— Как же этот суп называется? — спросил я.

— Янтарный! — усмехнулся Мастер.

А человечек Соломенные ножки в это время знай себе карабкался по непрочной пирамиде сухих деревяшек. И снова одна из них вырвалась из-под его ног. Она дребеденькнула и, будто собачонка, ткнулась в ботинок Мастера. Тот нахмурился.

— Кто там безобразничает? — сурово спросил Мастер.

— Это человек Соломенные ножки, — сказал я, — мы к вам вместе пришли.

Человечек Соломенные ножки стоял на широком чурбачке, подбоченившись, и был сейчас похож на только что возведенный памятник. Мастер внимательно оглядел человечка Соломенные ножки, заметил под мышкой у него крошечную скрипку и улыбнулся.

— Вы принесли в ремонт свою скрипку? Но я не ремонтирую скрипок. Я их строю.

Так и сказал — строю. Будто дом. А, может быть, скрипка и есть дом? Дом, в котором живет музыка.

А человечек Соломенные ножки спрыгнул с чурбака, спрятал за спину свою скрипку.

— Нам-нужно-поющее-дерево, — протарахтарил он.

— Поющее дерево... поющее дерево, — Мастер задумался. — Да-да, я слышал о нем.

Я поднял один из чурбачков. Неожиданно он оказался таким легким, будто был сделан из чего-то птичьего, летающего. Он даже как бы вспархивал с руки. Высушенный до звона чурбачок казался прозрачным, как янтарь.

— А разве ваши скрипки не из поющего дерева? — спросил я, протягивая Мастеру звонкий янтарный чурбачок.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Мастер.

Он взял из моих рук чурбачок, взвесил его на широкой ладони.

— Этот кусок дерева принес еще мой дедушка. Лет пятьдесят тому назад. С тех пор он и лежит, высыхает до звона. А это, — Мастер поднял небольшое поленце, — я сам срубил. Да скрипку из него можно будет строить лет через пятьдесят. Вот и получается: про старое дерево спросить уже не у кого, а как запоет новое, я сам уже не узнаю — его возьмет в работу мой внук. Дерево для скрипки выдерживают, высушивают годами.

Мастер взял отточенный сверкающий тесак и ловко отщепил от дедовского чурбачка тонкую пластинку. Он протянул ее человечку Соломенные ножки, щелкнув по ней широким твердым ногтем. И вдруг пластина запела. Долго плавал в воздухе нежный дрожащий звук. И даже когда он исчез, казалось, он наполнил всю комнату тонким смолистым ароматом. В комнате стоял запах древних дедовских лесов.

Мы собрались было уходить, но тут Мастер остановил нас:

— Постойте! Я, кажется, слышал про какое-то особенное дерево. Говорят, что ему тысяча лет. Когда дуют северные морские ветры, оно поет. Так рассказывали старики. И растет это дерево на Лисьем хуторе.

— Где-Лисий-хутор? — тотчас спросил человечек Соломенные ножки.

Мастер развел руками.

— Не знаю. Но слыхал, что это очень далеко.

Мы вышли на улицу. В какую сторону повернуть? Направо? Налево? Долгая ли дорога нам предстоит? И как мы дойдем пешком до Лисьего хутора, где дуют северные морские ветры? Можно бы попросить отвезти нас Бегемота. Но он животное южное. Еще продует его северным ветром.

Не успел я додумать, как получил крепкий толчок в бок, еле на ногах удержался.

— Простите, — сказал Бегемот, — здесь тесная улочка и я к тому же неудачно появился — слишком близко от вас. Вам не больно?

— Нет, нет, что ты! — обрадовался я. — Ты появился как раз вовремя!

— Садитесь, — сказал Бегемот, — я знаю, где этот Лисий хутор. Когда я исчезаю и становлюсь беспризорным, где только мне не приходится бывать!

И он, тяжело переваливаясь и шоркая боками о кирпичные стены домов, стал протискиваться вдоль узкой улочки. Мы, беспечно болтая ногами, сидели на его спине, будто на просторной скамейке.

Глава 14,
которая рассказана Лисичкой и которая называется «СЕМИСТВОЛЬНОЕ ДЕРЕВО»

Я давно заметил, что морской ветер пахнет большими рыбами и просмоленными парусами. Хотя рыб стало в море намного меньше, а корабли-парусники и вовсе не встречаются. Но сейчас, когда мы вдыхали свежий ветер, с ним прилетали эти крепкие морские запахи. Перед нами лежала плоская земля. Длинные осенние перелески рыжими лисятами сбегали с холмов. Овраги, заросшие пушистыми ивами, лежали поперек луга лисьими хвостами. А Лисьего хутора пока видно не было. Зато посреди луга, перевитого будто гигантская зеленая посылка, тонкими тропинками, стояло дерево.

Такого сказочного дерева я не видывал. Оно высилось поднебесной колонной. Тень его плыла по лугу, как большой океанский корабль. И на самой верхушке дерева, словно дозорный, стоял аист. Его плоское гнездо величиной с большую корзину прочно лежало между ветвей. Аист громко трещал клювом, и этот костяной треск рассыпался далеко вокруг. Из гнезда-корзины выглядывали аистята.

Они с любопытством таращились на нас. Вернее, на Бегемота, на это непонятное и не известное в их краях существо. А Бегемот, похожий сейчас на неимоверной величину фасолину, спокойно шагал по зарослям дикого лугового горошка. И стручки трещали и лопались под его пятами. Как только аистята поняли, что существо это никаким боком не напоминает аиста, они всполошились и захлопали своими куцыми крылышками. Тогда папа аист полетел на разведку. Он снялся с гнезда и низко поплыл над ними, лениво помахивая парусами-крыльями. И ветер гудел в этих медленных парусах. Аист уводил нас в сторону от гнезда. Может быть, он боялся за своих аистят?

— Послушайте, аист! — крикнул я. — Мы не разорители гнезд! Мы ищем Лисий хутор! Там, слыхали, растет Поющее дерево!

И аист в ответ, показалось, наклонил клюв. Наверное, понял. И все же продолжал лететь над лугом вдаль. Аисты живут рядом с человеком, с до-

мом. Он нас приведет на хутор. И, может быть, это окажется именно Лисий хутор? Наверное, человечек Соломенные ножки тоже подумал об этом. Он спрыгнул со спины Бегемота и крикнул:

— Бежим-за-ним!

Я поспешил следом. Бегемот остался один. Я пробежал всего несколько шагов и вспомнил о нем. Когда я оглянулся, исчезающий беспризорный Бегемот уже стал расплываться как легкий утренний туман.

— Не исчезай! — попросил я Бегемота.

Он тут же сгустился, стал из утреннего плотным, вечерним туманом, а потом снова превратился в дорогого моего Бегемота. Как дирижабль, почти не касаясь земли, он понесся за нами. Из-за перелеска вынырнули две красные черепичные крыши.

На одной из крыш мы увидели Ивана Ивановича Перепечкина. Он полз по крутому скату, ощупывая каждую черепицу. Аист пронесся низко-низко над ним, чуть не сбив крылом черную шляпу, и скрылся где-то в ивовых зарослях у реки. Вероятно, отправился ловить угощение для аистят.

— Иван Иваныч! — крикнул я. — Здравствуйте! Как вы туда попали, и что вы там делаете?

— Я проснулся в саду Иван-да-Марьи, а вас не обнаружил! — прокричал с крыши Иван Иваныч. — Мало того, я не обнаружил в моем левом кармане моей Мыши. А я к ней так привык. Вот и пошел по следу ее хвоста. Он же волочится по земле и оставляет еле заметную бороздку.

Я удивился, что он ищет Мышь на крыше, но оказалось, что в подполе и в ямках под корнями деревьев он уже искал. «Вот чудак!» — подумал я и тут же устыдился этой своей глупой мысли. Из соседнего дома, который похож был скорее на старую кузницу, вышла девочка. На ее треугольном личике сияла улыбка.

— Здравствуйте! — сказала она. — А где человечек Соломенные ножки?

— Это я ей о нем рассказал! — крикнул с крыши Иван Иваныч.

— Я-сам-о-себе-могу-рассказать! — возмутился человечек Соломенные ножки и выскочил вперед. — Покажи-поющее-дерево! — потребовал он, обращаясь к девочке.

Мне стало неловко за его настойчивость. Хоть бы поздоровался. Но девочка, казалось, этого не заметила. Она присела на корточки. И улыбнулась. И всем стало сразу хорошо и спокойно. И сказала:

— Здравствуйте, человечек Соломенные ножки! У нас есть одно необыкновенное дерево. Ему тысяча лет. Только я не знаю, поющее ли оно? Оно не поет, оно гудит. На ветру. Как колокол. Мне про него мама рассказывала. А ей ее мама. А ее маме — бабушка. Пойдемте!

И мы пошли за ней. Иван Иваныч по приставной лестнице сполз с крыши и догнал нас. Он, правда, был немного грустен. Мышь так и не нашлась пока. Но Кузнечик вот он, сидит на ранте правого кармана. И тихонько пиликает своими стрекочущими ножками. Мы снова оказались на том лугу, который только что миновали. У того самого сказочного дерева с аистиным гнездом.

Иван Иваныч обошел дерево вокруг, постоянно нагибаясь и поднимая что-то с земли. Он долго обходил необъятный ствол дерева, будто вокруг большого дома ходил. Но, наконец, подошел к нам. И протянул две полные горсти. И мы увидели на его ладонях тяжелый бронзовый желудь, нежную ольховую сережку, шершавую сосновую шишку, носик клена, похожий на стрекозиное крылышко, нитку рябиновых ягод, зеленое яблоко-дичок и сросток лесных орехов в травянистых оборочках.

— Я ботаник, — сказал Иван Иваныч, — я изучал все деревья на свете. Вот Бегемот может подтвердить: мы с ним говорили о самых тропических деревьях, и я знаю о них все.

Бегемот два раза кивнул своей тяжелой лобастой головой. Иван Иваныч продолжал:

— Я видел даже земляничное дерево. Но такого, на котором одновременно росли бы желуди, сережки, шишки, носики, рябина, яблоки, орехи, не видел никогда. Ни-ког-да!

А человечек Соломенные ножки тюкал своим тонким нитяным пальчиком по витому древесному стволу. Но ни звука не мог извлечь из него. Дерево молчало.

— Не удивляйтесь, Иван Иваныч. Не расстраивайтесь, человечек Соломенные ножки, — сказала девочка по имени Лисичка. — Я вам расскажу историю, которую мне рассказывала мама, а ей — ее мама, а ее маме — бабушка. И вы сразу все поймете. Слушайте.

Мы уселись на траву под деревом, в тени его, просторной, как городская площадь. И приготовились слушать. Даже аистята высунулись из гнезда и молча наблюдали за нами — тоже слушали. Вот что мы услышали.

Давно-давно, в незапамятные времена эта маленькая страна, от которой сегодня осталось всего лишь несколько хуторов с красными крышами, один рыбачий поселок и один старинный город с башнями и флюгерами на них, была сильной и могучей. Жители ее ловили рыбу, ковали железо, делали сыр и масло, рассказывали сказки и строили морские корабли-парусники. Но вокруг северного моря, у берегов которого раскинулась эта страна, жили еще шесть народов. И каждый был сильным, гордым и независимым. Однажды эти народы перессорились между собой. И началась война. Люди уже не ловили рыбу, не делали сыр. А из железа ковали мечи и лили пушки. И корабли-парусники сгорали и тонули в море, уничтожая друг друга. Долго шла война, все земли вокруг северного моря были разорены, а люди устали от крови и голода. И тогда собрались короли всех стран. Семь королей с тяжелыми посохами. Они сидели как-раз на этом лугу. Все было так же, как сейчас. Разбегались вдали перелески. Низко плыли над лугом облака. Ходили в траве ежики. Только дерева этого не было.

Собрались вместе короли семи стран, стали в круг и воткнули свои посохи в землю. И сказал король Анн Второй, как самый старший:

— Мы воткнули свои посохи в эту добрую землю в знак мира. Если зацветут они, то никогда наша земля не будет покорена. И покуда не засох-

нет цветущее семиствольное дерево, не умрет дух свободы в наших народах!

И были эти посохи сделаны из разных деревьев. Из дуба. Из ольхи. Из сосны. Из клена. Из рябины. Из яблони. Из ореха. Перевились они и зацвели. И выросло семиствольное дерево Свободы. Тысячу лет прошло с тех пор, а дерево каждый год зацветает и дает плоды. И гудит на ветру, как колокол. И ветры дуют в этих краях всегда. Зимой. И весной. И летом. И осенью. Морские северные ветры.

Человечек Соломенные ножки подошел к Ивану Иванычу, подставил свою заплечную торбочку к его ладоням и молча вытряс из них желудь, ольховую сережку, сосновую шишку, кленовый носик, рябиновую гроздь, яблоко-дичок, ореховую тройчатку.

— Я напишу про это дерево, удивительное дерево большую ботаническую книгу, — сказал Иван Иваныч.

Глава 15,

в которой над головой висят звезды и которая называется
«ВОЛШЕБНОЕ УХО»

Что такое хутор? Это, во-первых, длинный-длинный дом, где и живут, и сено складывают, и корову держат. Для всего здесь хватает места. И непременно рядом с этим домом еще один дом-мастерская. Если хозяин плотник, то здесь и верстак, и рубанок, и старые грабли, ждущие починки, и черенки для лопат, и доски. Если — кузнец, то в мастерской молот и молотки-стукоталки, и горящий горн, и гирлянды подков. А, в-третьих, есть на хуторе колодец с высокой жердью-журавлем. Вместо клюва у него веревка с веером. Есть и огород. И ступенчатый спуск к реке. И непременно сад, где яблони щедро усыпаны яблоками, а кусты смородины закутаны рыбачьими сетями, чтобы птицы не поклевали ягод. И уж непременно есть большой старый камень, на котором удобно посидеть, помечтать вечерком. Поговорить по душам.

На таком гладком камне под названием Бараний лоб и сидели мы с Лисичкой. Крупные рябиновые звезды нависали над нами. Сразу и не догадаешься, где они растут — на дереве или на небе? Девочка по имени Лисичка сидела тихо-тихо. И не улыбалась. Но все равно рядом с ней было хорошо и спокойно. В темном вечернем саду глухо бумкали о землю спелые яблоки. Иногда вскрикивала охрипшая за день птица. Или у нее голос такой скрипучий? В траве, под нашими ногами стрекотали кузнечики. Их было, наверное, много. А, может быть, это был один-единственный? Тот, из кармана Ивана Иваныча Перепечкина? И только эхо множило его песенку?

Эхо действительно летало над нами. То оно ухало вслед за упавшим яблоком. То, скрипело, подражая неизвестной хриплой птице. То приносило речной всплеск. И мое ухо ловило это летающее эхо. А я пытался отгадать, где настоящий звук, а где его отражение — эхо.

Лисичка вдруг сказала, будто подслушала мои мысли про эхо:

— Правда странно, что ЭХО и УХО почти одинаковые слова? Будто бы Эхо и есть большое Ухо, ловящее все звуки на свете. Только это волшебное ухо — оно возвращает нам то, что услышало. Откликается. Человек Соломенные ножки ищет Поющее дерево. А я, только не смейся, хотела бы найти Волшебное Ухо...

Вот это да! Вот странное дело: ухо и вдруг волшебное! Ну, никак не вяжется ухо с волшебством. Так я подумал, но не сказал, чтобы не обидеть эту хорошую девочку по имени Лисичка. Я молчал, а Лисичка продолжала:

— Есть еще одно волшебное слово — АУ! Всего две буквы, а стоит крикнуть — АУ! — обязательно тебя услышат и придут. Кто-нибудь да услышит. Хотя бы эхо. И, знаете, эхо бывает разное. Я их почти все знаю. Ведь здесь, на хуторе часто приходится разговаривать только с эхом.

И девочка Лисичка рассказала мне сказку. А, может быть, это вовсе и не сказка. Но запомнил я ее почти слово в слово.

Жила на свете девочка. Когда она была совсем маленькой, то часто кричала: УА! УА! И к ней тут же кто-нибудь подбегал. Мама. Папа. Бабушка. Или дедушка. Все старались ей помочь, развеселить, обрадовать. И девочке было хорошо. Тогда она начинала от радости лопотать: — АГУ! АГУ! Все улыбались и радовались вместе с ней.

Но прошло время. Девочка научилась говорить много разных слов. Они были не такими простыми, как УА! или АГУ! Теперь стало намного трудней объяснить, чего ты хочешь, потому что ни одно взрослое слово и даже десять слов, и даже сто не могут выразить того, что с тобой происходит. Папа, мама, бабушка и дедушка часто не совсем понимали, чего хочет девочка. И от этого сердились на нее. И девочка постепенно привыкла к этому

непониманию. И все пытались вспомнить то свое младенческое слово, которое все понимали. И не могла.

Как-то раз она пошла в лес и немного заблудилась. Ей стало страшно и одиноко. Она хотела позвать кого-нибудь на помощь. Маму. Папу. Бабушку. Или дедушку. Закричала громко-громко. И само собой произнеслось у нее то самое младенческое слово. Только произнеслось оно наоборот: АУ! И тут же к ней прибежали все. Испуганная мама. Обрадованный папа. Запыхавшаяся бабушка. И покряхтывающий дедушка.

Прошло еще время. Девочка опять подросла. Теперь ей уже мало было мамы, памы, бабушки и дедушки. Она хотела найти друзей. Или хотя бы одного настоящего друга. Вспомнила девочка свое лесное АУ! Вышла на луг и крикнула: — АУ! Долетело ее АУ до каменного дома. Ударилось в глухую стену, и эхо принесло обратно Каменное АУ. Еще раз крикнула девочка. Полетело АУ и ударилось о деревянный забор. Принесло обратно эхо Деревянное АУ. И еще раз крикнула девочка. Далеко улетело ее АУ и ударилось в наглухо закрытое окно. Вернулось к ней Стеклянное АУ. Много еще разных АУ прилетало к девочке на крыльях эха. Но не было среди них ни одного живого. Только эхо, эхо, эхо. Когда же вместо эха появится Друг? И какой он будет? Наверное, у него должно быть Волшебное Ухо. Такое, которое уловит среди всех голосов, смеха, криков, шепота, грохота слабый отдаленный призыв. Девочкино АУ.

Я слушал эту сказку и думал, как же мне помочь Лисичке? И тут я вспомнил про своего друга — Бегемота. Он тотчас же возник во тьме серым тяжелым силуэтом и чем-то был похож на тот гладкий громадный камень, на котором мы сидели.

— Я не могу подарить тебе Друга, — сказал я, — друзей не дарят. Но познакомься с Бегемотом. Я думаю, что у него оба уха волшебные. Он всегда слышит того, кому нужен. Пускай он станет нашим общим Другом. Ладно?

Девочка Лисичка улыбнулась, и от этого сразу стало хорошо и спокойно. А Бегемот согласно кивнул большой головой, похожей на башню старинного города той страны. Башня, между прочим, почему-то звалась Толстой Маргаритой.

Глава 16,

в которой мы все бросаемся на поиски и которая называется

«СНЕЖНЫЙ ВЕТЕР»

Иван Иваныч Перепечкин был так растерян, что забыл нацепить очки. Его круглое лицо казалось от этого еще круглее и добрее.

— Что случилось, Иван Иваныч? — спросил я.

— Кузнечик, — прошептал Иван Иваныч, — он отправился на поиски Мыши и все еще не вернулся. Боюсь, что он тоже пропал. Здесь на Лисьем хуторе слишком густые травы. Уважаемый Бегемот, умоляю вас, не ходите по траве!

— Хоть я и похож на пыхтящий паровой каток, но еще никого не раздавил, — пробурчал Бегемот, — я хожу по тропинкам.

— А как их зовут? — спросила Лисичка.

— Кого? — не понял Иван Иваныч.

— Вашу мышку и вашего кузнечика. Мы бы им покричали. Позвали. Поаукали.

Иван Иваныч развел руками.

— Мы не успели познакомиться. Да-да, я знаю, — всегда не хватает времени именно на тех, кто рядом с тобой. Но я к ним так привык.

— Мы-их-найдем! — крикнул человечек Соломенные ножки и нырнул в траву. Высокие травяные метелки закачались над ним, осыпав мелкие семена.

Прошла минута, и другая, и третья. Мы ждали. И вдруг налетел ветер. Низкий. Колючий. Он словно скосил травяные метелки, взметнул в воздух мелкую крупу семян. И тут же поднялся выше. В небо. Там он смел вместе все облака и превратил их в тучу. Стало темно.

— Человек Соломенные ножки! — крикнула Лисичка. — Его унесет ветром!

И она бросилась в гущу примятой, погнутой, поломанной травы. Я устремился за ней.

— Осторожней, друзья! — крикнул нам вслед Иван Иваныч.

— Не волнуйтесь, — сказал Бегемот, — я же не двинулся с места.

Но Иван Иваныч все равно волновался, как бы мы не наступили на Мышь, на Кузнечика, на человечка Соломенные ножки. Он рассеянно раскрыл свой просторный черный зонтик. И во-время. Из тучи повалил снег! Это было неожиданно. Но такой уж он коварный северный морской ветер. Черный зонт Ивана Иваныча моментально стал белым, как одуванчик. А ветер из невидимки превратился в белое спиральное облако.

Тающий на ресницах снег застилал мне глаза, и я ослепленно шарил руками в холодной и мокрой траве. Ну, что я мог найти? Кого увидеть? И тут Лисичка крикнула: АУ! А в ответ ей раздался тоненький писк и трескучее пиликанье, и звонкое Э-ГЕ-ГЕЙ!

Я протер заснеженные глаза и увидел странное и забавное зрелище. Осыпая с травяных стеблей снежные хлопья, бежала Мышь. За ее длинный хвост ухватился человечек Соломенные ножки и скользил, как на лыжах, на двух остроносых травинках. А на его скрипке сидел Кузнечик и пиликал на своих зазубренных ножках.

В мгновенье ока они оказались перед нами, Кузнечик перелетел со скрипки в правый карман Ивана Иваныча. Человечек соломенные ножки отпустил мышиный хвост. И Мышь ловко вскарабкалась к левому карману Ивана Иваныча. А сам человечек Соломенные ножки, деловито стряхивая с себя снежинки, молча залез на спину Бегемоту.

Иван Иваныч широко заулыбался. А Мышь, высунув из его кармана усатую мордочку, проворчала:

— Ну, вот, звали-звали, а ничем не угощают!

Хотя при этом грызла большую сырную корку. Зато Кузнечик, кажется, был очень доволен.

— Здесь и перезимуем! — донесся из правого кармана его слабый голосок.

Бегемот переступал с ноги на ногу, осторожно ступая на непривычный для него снег. И я испугался, что он простудится. Что же делать? Нужно отправляться в дорогу — к югу, туда, где бегемоты не простужаются. Но Лисичка... Мне так не хотелось с ней расставаться.

И я сказал:

— Дорогая Лисичка! Не знаю, волшебное ли у меня ухо. Но я умею, если очень нужно, становиться чем угодно. Например, телеграфным столбом. Он чуткий, слышит все голоса и гудит им в ответ. Смело посылай свое АУ. Лучше всего по проводам. Телеграммой. Но я постараюсь услышать и без телеграммы.

Лисичка улыбнулась. И сразу стало хорошо и спокойно.

Глава 17,

которая намного короче нашей дороги
и которая называется
«ПЛОД НЕВЕДОМОГО ДЕРЕВА»

Снег быстро растаял. Бегемот топал по расквашенной дороге. Мокрый зонтик Ивана Иваныча колыхался над нами, как балдахин. Человечек Соломенные ножки, напевая себе под нос песенку, перебирал свои чурочки, ветки, травинки, желуди и кленовые носики. Что-то выстругивал крохотным ножиком, что-то прилаживал, прикладывал к уху.

Из левого кармана Ивана Иваныча неслось похрупывание, причмокивание. А в правом кармане затих Кузнечик. Наверное, устраивался на долгую зимовку.

Мне было немного грустно. Это случается со мной, когда растает первый непрочный снег. Но еще оттого, что дорога, влекущая меня в новые интересные места, непременно разлучает с хорошими людьми. Иногда надолго. А, бывает, и навсегда. От этих грустных мыслей меня оторвали звуки шагов многих ног. Я вгляделся вдаль. Из-за деревьев послышались голоса и появились... Кто бы вы думали? Братья Сидоры! Нет, все-таки дорога замечательная штука! Она не только разлучает, но и дарит радостные встречи.

Они тоже увидели нас и так громко крикнули УРА!, что Мышь в левом кармане Ивана Иваныча замерла, а Кузнечик, наоборот, зашевелился в правом кармане и недовольно заскрипел.

Через несколько минут мы уже сидели на пеньках, а на расстеленной перед нами клеенке лежали хлеб, яблоки, сыр и стояла пузатая банка розового морса. Братья Сидоровы наперебой рассказывали о своих путешествиях.

— Набрались мы ума-разума! — смеялся Сидор Веселый.

— Есть чему удивиться и порадоваться, — хмыкнул Сидор Умный.

— И силушки прибавилось, — говорил, показывая кулак, Сидор Добрый.

— Счастья и горя видали, оттого и добрее стали, — качал головой Сидор Сильный.

— И что же, домой теперь? — спросил Иван Иваныч.

— Домой! Домой! — загудели братья Сидоры. — А вы-то в наших краях так и не побывали?

— Нет, — ответил я, — что-то не хотелось.

— Ну, ничего, — сказал Сидор Умный, — скоро и у нас все переменится. Мы тут в одном городе гостевали.

— Там-то ума-разума набрались, силой укрепились, — сказал Сидор Веселый.

Мне стало интересно послушать про этот город. И рассказали братья Сидоры, что там тоже было невесело.Люди сонные ходили, как осенние мухи. Ничего не желали, ничего не любили. Разве что спать-дремать. Все они проспали. И работу. И счастье. Все это лишь во сне видели. Им даже продавали сны с едой да с одеждой. Злодеев там, вроде бы, и не было, как на родине братьев Сидоров. Зато уж и хорошего мало встречалось. Одна была примета у того города — красивый Фарфоровный колокол. Да разве это колокол? Одно название. Не гудит. Не зовет. Лишь позвякивает.

Но вот случилось так, что разбился Фарфоровый колокол, а вместо него появился колокол настоящий. Медный. Громогласный. И сразу все в городе переменилось. Будит теперь колокол народ. Каждый в него может бухнуть. Тот радостью поделится.Этот на помощь позовет.

Длинную историю рассказали нам братья Сидоры. Я потом ее записал. Так и назвал «ФАРФОРОВЫЙ КОЛОКОЛ». Целая книжка получилась.

— Вот так! — сказал Сидор Веселый, — спешим мы теперь домой.

— Соберем всех, всем миром колокол отольем, — сказал Сидор Сильный.

— Добрые вести должны до всех долетать, — сказал Сидор Добрый.

— И на беду всем вместе надо наваливаться, — добавил Сидор Умный.

— Сладим колокол, новую жизнь наладим. Тогда и в гости милости просим! — сказал Сидор Веселый. — Повеселимся!

— Что же вы все о себе да о себе, — смутился Сидор Умный, — как вы-то? Нашли Поющее дерево?

Не успел я ответить, как что, мол, пока не встретили, как полилась откуда-то тихая музыка. Будто проснулся и запел пустой осенний лес, зазвучали в нем голоса и птиц, и зверей, и трав. И еще вплеталась в эту музыку далекая забытая мелодия песенки, которую пела мне еще моя бабушка. И нежные колокольные звоны текли в ней, перебиваясь иногда гулкими и даже тревожными ударами. Какие разные звуки! И как легко и просто уживались они в одной нескончаемой мелодии! Что это?

Мы стали оглядываться, искать волшебного музыканта и увидели человечка Соломенные ножки. Он стоял на широкой и круглой, как цирковая арена, спине Бегемота. В руках у него была скрипка. Но не та маленькая и слабая. А новая. Сверкающая. С тонкой веточкой-грифом. Похожая на какой-то неведомый плод. Может быть, на плод Поющего дерева?

Глава 18,

которую на самом деле
можно бы назвать первой
и которая называется
«СЕРЕБРЯНЫЕ КОЛЕСИКИ»

Откуда? Откуда появилась эта небывалая скрипка? И как в ней могла уместиться такая музыка? Человечек Соломенные ножки молчал. Зато говорила его скрипка. Та, которую он смастерил в дороге из тех самых чурбачков, дощечек, травинок и ольховых сережек. И звучали в ней голоса природы, рожденные травинкой из сада Иванда-Марьи. И вплетались песни наших дедов от тонкой пластины, подаренной Янтарным Мастером. И гудели колокола мира и радости, откликом тысячелетнего Дерева Свободы. И смешливые нотки Каламбургского дерева приплясывали в ней. Все это вместе сливалось в одну мелодию, словно бы созданную необыкновенным даром Яблоневого Мальчика.

Я и не заметил, как мы очутились на моей такой привычной вечерней улице. Над нами висело отражение комнаты. Ах, я рассеянный! Забыл погасить свет!

Иван Иваныч сложил свой зонтик. В своем черном пальто и черной шляпе он сразу растворился в темноте. Я его не стал окликать, вероятно, пошел проверять школьные тетради. Ведь завтра у него обычный урок ботаники. Только как он появится в школе с Мышью в левом кармане и с Кузнечиком в правом? Чудак!

А Бегемот исчез. Ну, конечно, я совершенно забыл про него, заслушался музыкой. А, может, его позвала Лисичка? Ну что ж. Пусть он передаст ей мой привет. А она в ответ улыбнется. Тут мне стало хорошо и спокойно. Наверное, Лисичка в этот момент улыбнулась. Я просто уверен в этом.

— Сюда-скорей-сюда! — услышал я тонкий голосок.

Человечек Соломенные ножки плясал в невесомом отражении моего окна. И привычно помахивал мерцающей в отраженном свете скрипкой.

Я очутился в своей комнате. Глянул за окно, в отражение. Человечек Соломенные ножки исчез! Как, неужели навсегда? И тут мой взгляд упал на лист бумаги с началом сказки. Только не этой, а совсем другой. На листе был нарисован моей неумелой рукой крохотный человечек. На тонких соломенных ножках. Человечек Соломенные ножки.

Форточка хлопнула. Я испугался, что сквозняк унесет этот мой листок с человечком Соломенные ножки. Прикрыл форточку и глянул в окно. За окном была уже зима. Как быстро пробежало время!

Я стоял у окна и думал о бегущем времени. И о том, что его нельзя ни остановить, ни повернуть назад. Его серебряные колесики крутятся и крутятся... И вдруг я понял, что это уже другая сказка. Она меня зовет и манит. Придется собираться и отправляться следом за ней.

СЕМЬ УРОКОВ УШУ

НАЧНЕМ С РАЗМИНКИ

В Китае говорят, что даже самая длинная дорога начинается с первого шага. А УШУ — это дорога длинною в жизнь. Все, кто решил заняться этим китайским искусством, могут найти в нем и метод самообороны, и просто путь к укреплению здоровья. Но и в том, и в другом случае наибольшего эффекта можно достичь лишь тогда, когда УШУ предстанет перед учеником как психофизическая система, целостный взгляд на жизнь и явления природы.

Не надо искусственно менять в себе какие-либо представления о мире, о себе и своем месте в Космосе. Надо научиться прислушиваться к движению души и не стесняться восхищаться Красотой. И тогда УШУ научит вас жить естественно, в согласии с природой.

Итак, для тех, кто решил заняться УШУ как системой, предлагаем освоить разминку. Разминку рекомендуем делать ежедневно на свежем воздухе или в хорошо проветриваемом помещении, не ранее, чем через 1,5—2 часа после еды. Начинать разминку следует с общего разогрева мышц (5—7 минут легкий бег или прыжки со скакалкой). Следите за ритмом.

1. Исходное положение: ноги на ширине плеч, руки согнуты в локтях, ладони открыты. Сделать свободный вдох, затем, плавно выдыхая, прогнуться назад, коснуться пальцами пяток, зафиксироваться в этом положении и, вернувшись в и. п., сделать выдох (3-5 раз в спокойном темпе).

2. И. п.: аналогично упр. 1. Сделать свободный вдох и, выдохнув, прогнуться назад и зафиксироваться в положении «мостик». Расстояние между руками и ногами должно быть как можно меньше. Пятки от пола не отрывать. В положении «мостик» сделать вдох, затем, подняв одну руку, выдохнуть. Зафиксироваться в данном положении. Вдох на возвращении руки в упор и выдох на выбросе другой руки вверх. Аналогично при выполнении данного упражнения ногами.

3. И. п. прежнее. Сделав свободный вдох, приподнять ногу, перенеся центр тяжести на опорную ногу и с плавным выдохом занести приподнятую ногу за опорную. Присесть на опорной ноге, другая — не касается пола. В нижнем положении сделать вдох и на выдохе вернуться в и. п. (по 2-3 раза на каждой ноге).

4. И. п.: упор-присев, руки в упоре за пятками между ног. Сделать свободный вдох, затем на выдохе, не отрывая ладоней от пола, выпрямить ноги. Возвратиться в т. п. на вдохе (7-8 раз). Затем, оставаясь в и. п., одну руку вынести вперед и согнуть в локте, ладонь открыта. Сделать вдох, а с выдохом «скручивать» корпус вокруг опорной руки. Возвратиться в и. п. на вдохе (по 2-3 раза в каждую сторону).

5. И. п.: сидя, ноги вместе, вытянуты перед собой, руки согнуты в локтях, ладони открыты. Одновременно со свободным вдохом согнуть ногу и «подтянуть» стопу к себе. Затем с выдохом встать, не разгибая колена, и перенести центр тяжести на эту ногу. Не отрывая пятки другой ноги от пола, развернуться в положении полного приседа. После этого вновь перенести центр тяжести на другую ногу и принять и. п. (по 5—7 раз на каждую сторону).

ладони открыты. Сделать вдох и одновременно плавно лечь на спину, зафиксироваться в этом положении. С выдохом вернуться в и. п. (11-13 раз). Заканчивая упражнение, после выдоха в и. п. сделать вдох с одновременным подъемом на колени, скрестив ноги, с выдохом сесть «по-турецки».

7. И. п.: сидя на коленях, руки согнуты в локтях, ладони открыты. Сделать свободный вдох и с выдохом вынести в сторону одну ногу. Сделать несколько (2-3) боковых наклонов корпуса к вытянутой ноге. Вдохнуть, а на выдохе грудью коснуться колена и зафиксировать это положение на несколько секунд. Выдохнув, вернуться в и. п. (по 1-2 раза в каждую сторону).

8. И. п.: сидя, ноги в стороны в широком размахе перед собой, руками упереться в пол. Сделать вдох и с выдохом перенести центр тяжести на руки. «Перебирая» руками, перейти в положение упор лежа, не меняя ширины размаха ног. Голову запрокинуть назад и максимально прогнуться. Вернуться в положение упор лежа, сделать вдох и с выдохом развернуться в положение продольного шпагата. Корпус выпрямить, руки в стороны. Зафиксироваться в этом положении, затем, сделав вдох, вернуться в положение упор лежа. Аналогично сделать в другую сторону и вернуться в и. п.

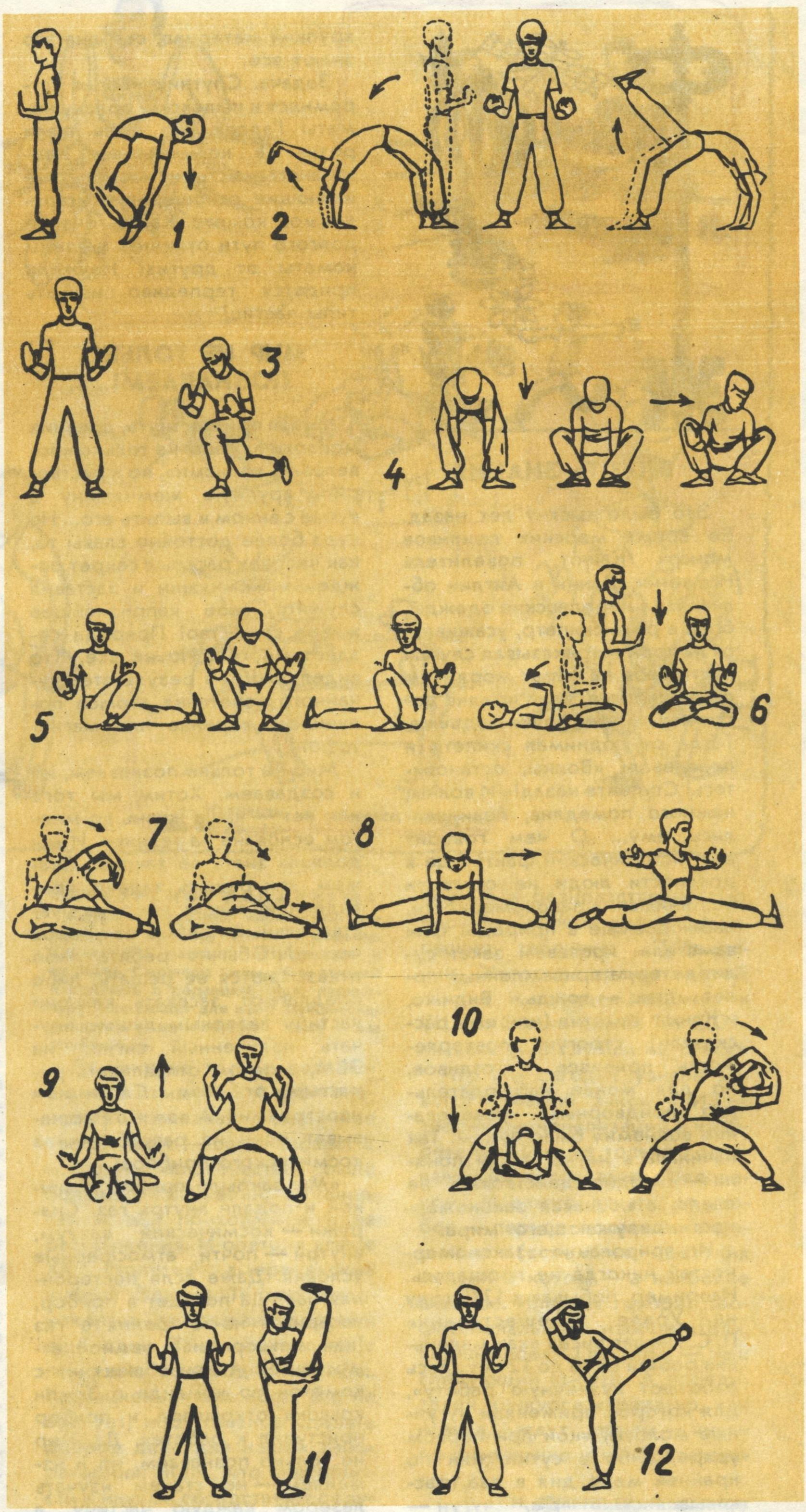
9. И. п.: сидя между согнутыми в коленях ногами, руки согнуты в локтях, ладони открыты. Сделать плавный вдох и резко подняться на ноги, стараясь не отрывать стопы от пола. Сделать вдох и с выдохом вернуться в и. п. (7-8 раз в спокойном темпе).

10. И. п.: стоя, ноги широко расставлены и согнуты в коленях, стопы параллельны, корпус прямой, руки согнуты в локтях, ладони открыты. Сделать вдох и с плавным выдохом, скрещивая руки, наклонить корпус вперед. Локтями коснуться пола. Делая вдох, вернуться в и. п., выдох (3-5 раз). Затем, делая вдох, поднять руки над головой (одна ладонь «накрывает» другую) и с выдохом наклониться вбок. Зафиксироваться в этом положении. Делая вдох, вернуться в и. п. (2-3 раза в каждую сторону).

11. И. п.: аналогично упр. 1. Сделать вдох, одновременно поднимая согнутую в колене ногу вверх, обхватив ее руками и с выдохом выпрямить ногу. Зафиксироваться в этом положении. На вдохе опускать ногу (по 3-5 раз).

12. И. п. аналогично упр. 1. Сделать вдох одновременно с поднятием согнутой ноги вбок, поддержать ее тыльной стороной ладони. Затем с выдохом выпрямить ногу, одновременно подняв над головой свободную руку. Вернуться в и. п., сделать вдох и выдох (по 3-5 раз).

Материалы разработаны в Ленинградском центре по изучению и освоению УШУ «Белый лотос».

ВЛАСТЬ ЗНАНИЯ

Это было тысячу лет назад. Во время морских приливов монарх Канют, повелитель Норвегии, Дании и Англии облачался в королевские одежды, брал в руки скипетр, усаживался на трон и приказывал слугам нести себя на берег моря. Там он дожидался, пока прилив достигнет высшей точки подъема. Тогда он поднимал скипетр и повелевал: «Волны, остановитесь! Ступайте назад!» И волны, немного помедлив, повиновались ему... О чем говорит этот исторический факт? Еще в древности люди не оставили без внимания закономерности, наблюдаемые в природе. Они заметили: кровавый закат сулит ветер, а приземленный полет птиц — дождь. Видимо, и Канют заметил (или ему рассказали) строгую повторяемость приливов и отливов, но для менее наблюдательных придворных, «повелевание волнами» было чудом. Так начиналась наука: люди поняли — выгодно действовать не слепо, а познавая закономерности окружающего мира.

Игнорирование закономерностей никогда не прощалось. Например, побывав в 1770 году на Урале путешественник П. С. Паллас писал «как маленькие ребята от 10 до 12 лет здесь работают кузнечную работу», для которой применяли чугунные молоты, «кои при первом ударе, либо в сутки, или по крайней мере дня в два, раскалывались...» Да, чугун — хрупкий материал, сегодня это знают все.

Задача. Спутник «Вега» устремился к пылевому облаку кометы Галлея. Но пыль пыли рознь: в космическом пространстве есть и частицы, не имеющие отношения к исследуемой комете. Как в течение долгого пути отличить частицы кометы от других? Неужели придется терпеливо изучать типы частиц?

МИР НЕ ТОЛЬКО ПОЗНАВАЕМ!..

Желая прихвастнуть, древние монархи любили не только «повелевать волнами», но и растворить крупную жемчужину в кубке с вином и выпить его... Но куда более достойно славы то, как человек раскрыл секрет рождения жемчужин и заставил служить себе капризнейшее живое существо! Природа создает многое. Но не все. Кто видел, чтобы в результате случайного сочетания атомов получилось варенье или магнитофон?

Мир не только познаваем, но и создаваем. Хотим мы того или нет — наша жизнь во многом основана на технике. И мы должны знать ее законы. Скажем, как решить задачу, приведенную выше: уберечь чувствительный прибор от ударов частиц? Обычно ребята либо отказываются ее решать, либо предлагают засекать каждую частицу лазерным лучом, изучать полученный сигнал на ЭВМ, а потом отлавливать рукастым роботом. Сложно и неостроумно. А вот что рассказывет один из разработчиков космического прибора:

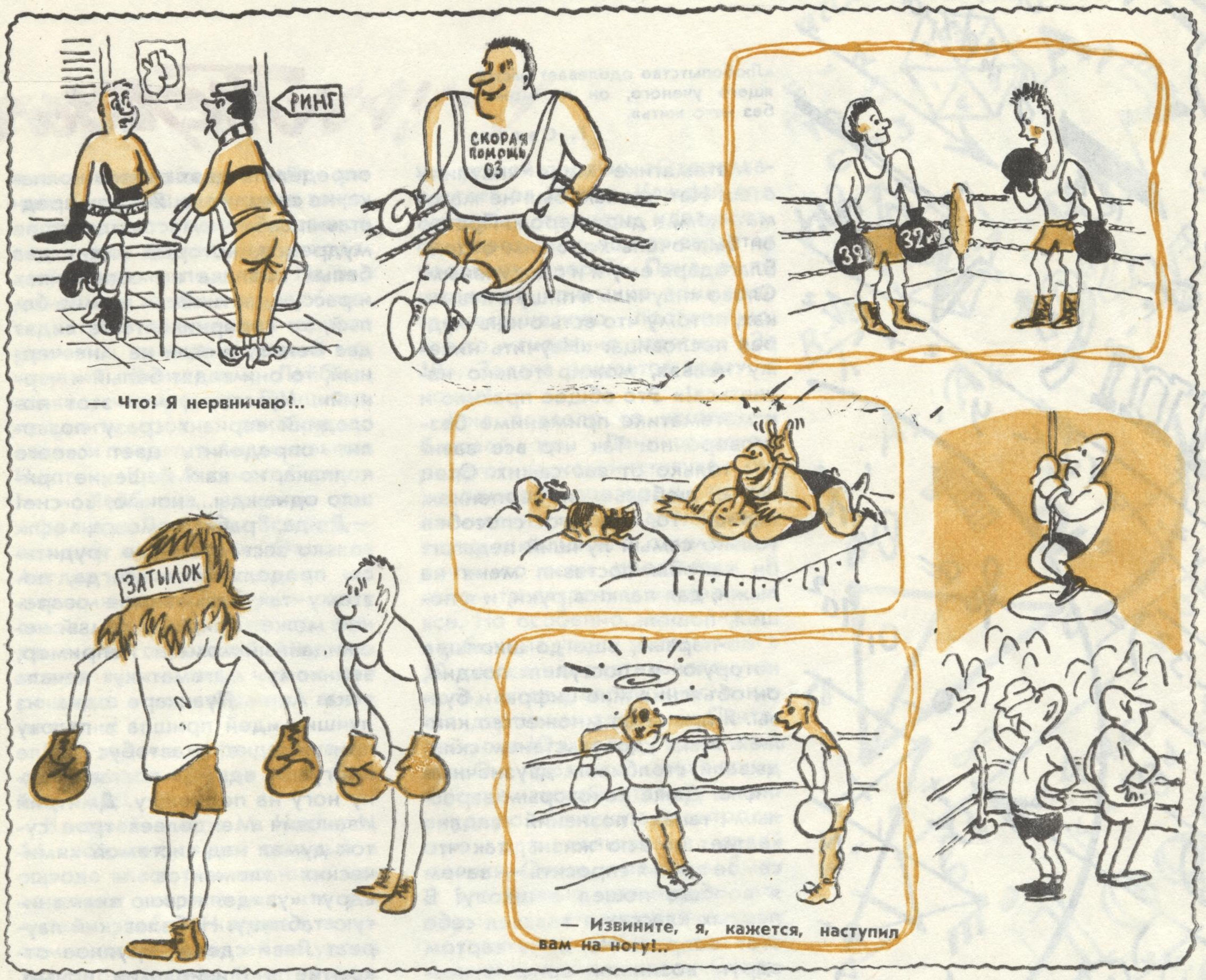
«Мы закрыли прибор крышкой и подали внутрь газ. Снаружи — космический вакуум, внутри — почти атмосферные условия. Даже если посторонняя частица попадет в прибор, испарится из-за трения о газ (как метеориты в земной атмосфере). А при сближении с кометой по команде с Земли крышка открылась, и прибор приступил к работе». Да, мир не только познаваем, но и изменяем — не станем изучать лазером каждую частицу, а просто «испарим» все посторонние.

Мир создаваем с помощью техники. «А вредное влияние техники — это же экологический кризис?» — волен спросить читатель. Увы, нельзя запретить технику, как нельзя «закрыть» Америку. И потом, пока никто толком не ответил на вопрос: если заготавливать дрова вручную, добывать воду из проруби, а вместо телеграммы посылать гонца с известием на коне, больше или меньше, чем теперь будет тратиться здоровья, сил, нервов? И еще: по телевизору обязательно покажут жертвы авиакатастрофы и не покажут людей, не погибших от оспы. Ибо это все мы — сейчас оспа побеждена на Земле — ведь мир не только изучаем, но и изменяем.

КАКОЕ РЕШЕНИЕ ВЫБРАТЬ!

В конце второй мировой войны супруга президента США Элеонора Рузвельт, учитывая, что японцы живут в домах из бамбука и бумаги, решила уничтожить их города с помощью... летучих мышей, несущих зажигательные бомбочки. Сотрудники технической службы разведки проверяли идею, выпуская мышей в заброшенных шахтерских поселках. Но однажды мыши вернулись обратно, спалив помещение, где их оснастили бомбочками... А вот еще пример, один сенатор предложил на планирующие авиабомбы, применяемые против кораблей противника, усаживать по коту. Зачем? По мысли сенатора, поскольку коты терпеть не могут воды, они будут барабанить лапами по клавиатуре, связанной с бомбой, и усаживать ее прямехонько на палубу корабля. Затея провалилась: увы, коты теряли сознание, едва их выбрасывали из самолета...

Очевидно: использование невинных животных — слабое решение в борьбе с противником. А если мы хотим умело бороться, мы должны собирать и находить не просто любые приемы, а самые сильные. Вспомним, как создавалась оте-

— Что! Я нервничаю!..

— Извините, я, кажется, наступил вам на ногу!..

честненная борьба САМБО, насчитывающая ныне 5000 приемов. Тренеры В. А. Спиридонов, В. С. Ощепков и А. А. Харлампиев нашли и соединили воедино самые доступные и сильные приемы из различных видов борьбы. Из грузинской «сидаубо» взяли зацепы ногами, подножки; из азербайджанской «гюлеш» — броски с захватом ног руками; из японского «дзю-до» — болевые приемы и многое другое. Лучшие приемы дополняли друг друга, были найдены и их эффективные сочетания — связки. (Так, японские руководства по искусству борьбы молчаливо предполагали «каждый прием удается при любых условиях», не учитывая противодействия противника. В. А. Спиридонов разработал способы мгновенных переходов от неудавшегося приема к следующему).

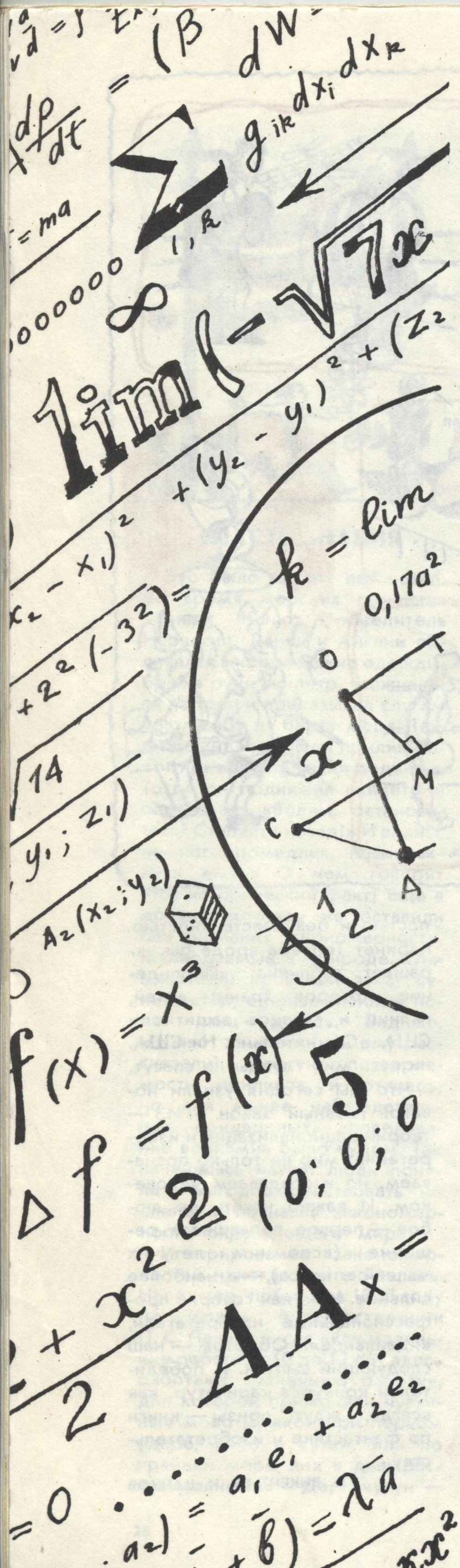
КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ № 4.

Рядом напечатаны карикатуры художников на тему бокса и борьбы. Карикатуры разные: остроумные и не очень. Сможешь ли ты найти лучшие и прислать в редакцию свою карикатуру (или сюжет для нее)! Лучшие карикатуры — на любую тему — мы опубликуем.

Да, мир не только познаваем, но и изменяем. А что изменяется тяжелее, медленнее всего? Часто — сам человек. В истории человечества было больше 14 000 войн, но лишь сейчас мы приходим к идее разоружения. И опять, в конце XX столетия американский ученый Эдвард Теллер неоднократно предлагает прорыть еще один Панамский канал с помощью водородной бомбы. Радиационная опасность его не волнует, ибо «главное сделать доброе дело для нашей лаборатории». Жаль, что способности к наукам соседствуют с глупостью и безнравственностью. Кабинет Теллера вроде бы украшает табличка: «Провидение, которое хранит детей, пьяниц и глупцов защитит и США». Сомнительно. Ни США, ни весь мир глупцы не спасут.

Что мы сегодня узнали нового? Главный закон ТРИЗ — теории рационализации и изобретений: мир не только познаваем, но и создаваем человеком. И важно искать не любое — первое попавшееся решение (вспомним летучих мышей и котов),— а наиболее сильное. Или, как говорит профессиональные изобретатели, «идеальное». Об этом — наш следующий выпуск. А победителей конкурса карикатур, как всегда, ждут призы — книги по фантастике и изобретательству.

И. ВИКЕНТЬЕВ, И. КАЙКОВ

Первые

«Любопытство одолевает настоящего ученого, он не может без него жить».

Г. Селье.

Математике меня «научил» отец. Нет, он сам был не математиком, а дирижером. Просто он был очень хорошим отцом. Благодаря ему я и стал ученым. Слово «научил» я пишу в кавычках, потому что есть очень мудрая пословица: «Научить ничему нельзя, можно только научиться!» Это общее правило и к математике применимо безоговорочно. Так что все зависит только от вас самих. Отец же с любовью и терпением сделал то, на что способен только самый лучший педагог: он как бы поставил меня на лыжи, дал палки в руки, и я пошел, пошел...

Во-первых, еще до школы, в которую я поступил поздно, он объяснил мне цифры и буквы. Я прочитал множество книжек. Мы с удовольствием складывали столбиком двузначные числа. Даже некоторым взрослым таких познаний вполне хватает на всю жизнь, так что самое время спросить — зачем я вообще пошел в школу? В первых классах я задавал себе этот вопрос. Но в четвертом вдруг возникли арифметические затруднения с задачами «на части», в которых надо было не просто считать, а соображать. Кажется, я пожаловался отцу раньше, чем это успел сделать учитель. Целый месяц отец решал со мной эти задачи, добавляя к ним похожие, придуманные им самим. Он приучил меня размышлять, и все трудности исчезли сами собой. Я уже не обращался к нему, но папа, увлекшись нашими занятиями, стал сам предлагать мне интересные, нестандартные задачки. И сделал главное: постепенно увлек меня математикой. На всю жизнь. Сам он остался музыкантом, а я стал ученым. По-видимому, стал им уже к пятому классу.

Помню, несколько раз я безуспешно возвращался к известной задаче о мудрецах и колпаках: трем мудрецам показывают 3 белых и 2 черных колпака. Потом надевают сзади белый колпак на каждого и просят определить цвет своего колпака, не снимая его. Я сразу представил себя на месте одного из мудрецов, который видит два белых колпака на соперниках и рассуждает: «Если на мне белый, то соперники тоже видят два белых, а если на мне черный, то они видят белый и черный». Чувствую, что этот последний вариант сразу позволит определить цвет своего колпака, но как? Решение пришло однажды... ночью, во сне!

Да-да, работа мозга, если только заставлять его трудиться, продолжается всегда, поэтому так называемое озарение может придти в самый неожиданный момент. Например, великому математику начала века Анри Пуанкаре одна из лучших идей пришла в голову при посадке в автобус после прогулки, едва он поставил одну ногу на подножку. Дмитрий Иванович Менделеев трое суток думал над системой химических элементов и ночью вдруг «увидел» свою знаменитую таблицу. Нобелевский лауреат Леви сделал крупное открытие в физиологии ночью, но не сумел проснуться, а утром все забыл. «К счастью», через несколько ночей идея пришла вновь, он проснулся, в 3 часа ночи пошел в лабораторию и выполнил свой знаменитый опыт. А я, ленинградский пятиклассник, ночью понял, что если соперники видят на мне черный колпак, то надо пройти всю цепочку до конца и представить себе, как каждый из них может рассуждать за соседа. А утром сразу сообщил отцу это несложное рассуждение, которое прошу тебя, читатель, выполнить и прислать в редакцию. Главное, я понял: можно справиться и с трудной задачей, если размышлять над ней постоянно. Сколько же? Вот пример из истории математики.

Швейцарец Иоганн Бернулли, учитель самого Леонарда Эйлера, в 1696 году предложил ученому миру, ставшую теперь

ШАГИ В НАУКУ

знаменитой, задачу: найти линию быстрейшего спуска тяжелого тела от одной заданной точки до другой, не находящейся прямо под ней. На это домашнее задание он дал 6 месяцев! Не получил ни одного решения, правда немецкий математик Вильгельм Лейбниц заявил, что решил. Пришлось продлить срок с декабря до весны и послать в Англию вызов Ньютону. Кроме самого Бернулли и Лейбница, решение дал и француз Лопиталь. Все они — великие математики. Ответ из Англии был блестящим и... анонимным, но Бернулли сразу сказал: «Узнаю льва по когтям». Из переписки Ньютона позже выяснилось, что на это решение он потратил всего полночи!

Есть задачи, не решенные человечеством до сих пор. Они ждут вас!

В нашей школе на Невском, 14 сложился самый сильный в городе класс. Учительница математики укоряла нас, что мы читаем учебник наперед, а потом подсказываем ей на уроке и что поэтому нам неинтересно. Ну скажите, кто из вас читает учебник и наперед? Вот и мы были вполне нормальными ребятами и без особой нужды не читали их вообще! И я понял, что лучшая часть класса гораздо способнее учителей, что многие, вероятно, станут учеными. Так потом и случилось. А школьный курс рассчитан на среднего ученика. Подошел я как-то к учительнице математики и наедине объяснил, что многое из того, над чем ей надо думать, мы видим сразу, а не читаем. Удивительно, но она не обиделась, поняла. И посоветовала мне заниматься в кружке математики при Ленинградском Дворце пионеров.

Кружок этот состоял из одаренных ребят, постоянных победителей городских математических олимпиад, а руководили им преподаватели университета, влюбленные и в математику, и в детей. Мне понравилось сразу. Начиная с первой же устной задачи: «Озеро зарастает за 20 лет. Каждый год заросшая площадь удваивается. Через сколько лет зарастет половина озера?» Пока я по школьной привычке примерял геометрическую прогрессию, кто-то мгновенно ответил: «За 19». Задача решается сразу, с конца!

Мне повезло со школой — базовой при Ленинградском педагогическом институте и руководимой доктором психологических наук. Запомнились внутришкольные олимпиады почти по всем предметам. Я зачем-то старался выиграть их все. Но особенно запомнились необычные уроки математики в 10 классе замечательного ученого, автора серии книг с нестандартными задачами Пантелеймона Юльевича Германовича. Он предлагал желающим в конце каждой четверти сверхтрудную классную контрольную для повышения своей оценки. Очень интересны были и его устные олимпиады, которые я, натренировавшись в кружке, легко выигрывал. Например, он спрашивал: «Сколько получится десятков, если 2 десятка умножить на 3 десятка?» Или: «Какой знак надо поставить между 4 и 5, чтобы получить число больше 4, но меньше 5?» Или чуть потрудней: «Разделить поровну 7 булок на 12 человек, не разрезая ни одной на 12 частей». А вот еще одна: «Составить 100 из шести шестерок». Я желаю тебе, читатель, успеха в решении этих очень простых задач и жду твоего письма.

В заключение предлагаю одну задачу: докажите, что на листе тетрадки «в клеточку» нельзя построить равносторонний треугольник, все вершины которого находились бы в «узлах» — вершинах квадратиков листа.

Подсказка: считайте площади!

Жду ответов.

В. ВАСИЛЬЕВ,
профессор

УЧЕНИЕ ХРИСТА, изложенное для детей

Л. ТОЛСТОЙ

6

И ИИСУС сказал:

Первая заповедь в том, что в старом законе сказано: не убий. И что грешен тот, кто убивает.

А я говорю вам, что если человек сердится на брата, то он уже грешен перед богом; еще больше грешен, если он сказал брату грубое, ругательное слово. Так что если станешь молиться и вспомнишь, что ты сердишься на брата, то, прежде чем молиться, поди и помирись с ним, и если нельзя тебе почему-нибудь сделать это, то в душе своей затуши злобу против брата.

Это одна заповедь.

Другая заповедь в том, что в старом законе сказано: не прелюбодействуй, а если разошелся с женой, то дай ей разводную.

А я говорю вам, что не только не должен человек прелюбодействовать, но если он смотрит на женщину с дурными мыслями, то он уже грешен перед богом. О разводе же говорю вам: что кто разведется с женою, тот сам прелюбодействует и жену вводит в прелюбодеяние, вводит в грех и того, кто женится на разведенной.

Это вторая заповедь.

Третья заповедь в том, что в старом законе вашем сказано: не преступай клятвы, но исполняй перед богом клятвы твои.

А я говорю вам, что клясться совсем не надо, а что если спрашивают тебя о чем-нибудь, то говори: да, если да; и нет, если нет. Клясться же ничем нельзя. Человек весь во власти бога, и потому он не может вперед обещаться, что сделает то, в чем поклянется.

В этом третья заповедь.

Четвертая заповедь в том, что в старом законе сказано: око за око и зуб за зуб.

А я говорю вам, что не надо платить злом за зло, и око за око, и зуб за зуб. И если кто ударит тебя в одну щеку, лучше подставить другую щеку, чем за удар отвечать ударом. И кто захочет взять у тебя рубашку, то лучше отдай и кафтан, чем враждовать и драться с братом. Не надо злом противиться злу.

В этом четвертая заповедь.

Пятая заповедь в том, что в старом законе вашем сказано: люби человека своего народа, а ненавидь людей чужих народов.

А я говорю вам, что надо любить всех людей. Если люди считают себя врагами вашими, и ненавидят, и проклинают вас, и нападают на вас, то вы все-таки любите их и делайте им добро. Все люди сыны одного отца. Все братья, и потому надо одинаково любить всех людей.

В этом пятая и последняя заповедь.

7

И СКАЗАЛ еще Иисус всем слушающим его о том, что будет от того, что они станут исполнять его заповеди.

— Не думайте,— сказал он,— что если не будете сердиться на людей, будете мириться со всеми, будете жить с одной женой, не будете клясться и присягать, не будете защищаться против обижающих вас, будете отдавать все, что у вас просят, будете любить врагов,— не думайте, что если будете жить так, то жизнь ваша будет трудная, хуже той, какую вы ведете теперь. Не думайте этого,— жизнь ваша будет не хуже, а много лучше теперешней. Отец наш небесный дал нам свой закон не для того, чтобы жизнь наша стала хуже, а для того, чтобы мы имели жизнь истинную.

Живите по этому учению, и придет царство божие, и все, что вам нужно, будет у вас.

Птицам и животным бог дал свой закон, и когда они живут по этому закону, им хорошо. И вам

Продолжение. Начало см. в № 2.

будет хорошо, если будете исполнять закон бога. То, что я говорю, ведь я говорю не от себя, а это закон бога, и закон этот записан в сердцах всех людей. Если бы закон этот не давал всем людям блага, бог не дал бы его.

Закон вкратце в том, чтобы любить бога и ближнего, как самого себя. Тот, кто исполняет этот закон, поступает с другими, как он хочет, чтобы другие поступали с ним.

И потому всякий, кто слушает слова эти мои и исполняет их, делает то же, что делает человек, строящий дом на камне: такой человек не боится ни дождя, ни разлива рек, ни бурь, потому что дом его построен на камне. А всякий, кто слушает слова мои и не исполняет их, тот делает то же, что делает человек безрассудный, если строит дом свой на песке. Такой дом не устоит ни от воды, ни от бурь и упадет и разрушится.

И когда Иисус окончил эти слова, народ дивился учению его.

8

И ПОСЛЕ этого стал Иисус притчами толковать всему народу про то, как надо понимать царство божие.

Первую притчу он сказал такую:

Когда человек посеет семена на своем поле, то он не думает о них, а спит ночью и встает днем и делает свои дела, не заботясь о том, как семя выходит и растет. Семена же сами собой бухнут, прорастают, выходят в зелень, в трубку, в колос и наливают зерна. И только тогда, когда поспеет урожай, посылает хозяин жнецов, чтобы сжать ниву.

Так и бог не устанавливает своей силой царство божие среди людей, а предоставил самим людям делать это.

Вторую притчу Иисус сказал о том, что если в человеке нет внутри его царства божия, то такого человека не принимает бог в свое царство, а оставляет его в миру до тех пор, пока он сам не сделается достойным царства божия. Он сказал: — Царство божие похоже на то, как рыбак протягивает по морю сети и захватывает всякую рыбу; захватив же рыбу, отбирает тех, которые нужны, ненужных же пускает опять в море.

И об этом сказал еще третью притчу:

Посеял хозяин хорошие семена в поле своем. И стали вырастать семена, выросла среди них и дурная трава. И вот работники пришли к хозяину и говорят, или ты плохие семена сеял? У тебя на поле много дурной травы вышло. Пошли нас, мы выполем. А хозяин говорит, не надо, а то вы станете полоть дурную траву и потопчете пшеницу. Пускай растут вместе. Придет жатва, тогда велю жнецам отобрать пшеницу, а дурную траву бросить.

Так и бог не позволяет людям вступаться в жизнь других людей и сам не вступается в нее. Каждый человек только сам своими силами может прийти к богу.

9

И КРОМЕ этих притч, сказал Иисус еще такую притчу о царстве божием. Он сказал:

Когда высевают семена на поле, то не все семена вырастают одинаково. А бывает с семенами так: одни семена попадают на дорогу, и налетают птицы и выклевывают их; есть еще такие семена, что пападают на каменистую землю, и эти семена хоть и прорастают, но ненадолго: не в чем им корениться, ростки скоро засыхают; и есть еще и такие семена, что попадают в бурьян, и бурьян заглушает их. А есть такие, что попадают в хорошую землю и вырастают и приносят от одного зерна 30 и 60 зерен.

Так же люди бывают такие, что не принимают царство божие в сердце свое, приходят к ним искушения плоти и похищают посеянное,— это семена на дороге. На каменистой земле семена — это когда люди сперва с радостью принимают учение, а потом, когда приходят обиды, гонения из-за учения, то отказываются от него.

Семена в бурьяне — это когда люди и поняли смысл царства божьего, но заботы мирские и жадность к богатству заглушают в них смысл учения. На хорошей же земле семена — это те, кто понял смысл царства и принял его в сердце свое,— эти люди дают плод и сам-30, и сам-60, и сам-100. Так что тот, кто удержал то, что дано ему, тому дается многое, а кто не удержал, у того последнее отнимается. И потому всеми силами старайтесь вступить в царство божие. Ничего не жалейте, только бы войти в него.

Делайте так, как сделал тот человек, который когда узнал о том, где был зарыт большой клад продал все, что имел, и купил тот участок земли, где был клад, и стал богачом. Так и вы поступайте.

Помните, что малое усилие для царства божия дает большие плоды: все равно, как из малого семечка вырастает высокое дерево.

Всякий человек может одними своими силами войти в царство божие, потому что царство божие внутри нас.

10

И УСЛЫШАВ эти слова, один фарисей, по имени Никодим, пришел к Иисусу и спросил его: как понимать то, что царство божие внутри нас?

И Иисус сказал: — Царство божие внутри нас значит то, что всякий человек, чтобы войти в царство божие, должен родиться снова.

А Никодим спросил: — Как же может человек родиться снова? Разве может человек войти в брюхо матери и опять родиться?

Иисус сказал ему: — Родиться снова значит родиться не плотским рождением, как родится ребенок от матери, а родиться духом. Родиться же духом значит понять то, что дух божий живет в человеке и что, кроме того, что всякий человек рожден от матери, он рожден еще от духа бога. Рожденное от плоти — плоть, оно страдает и умирает, рожденное же от духа — дух и живет само собой и не может ни страдать, ни умирать.

Бог вложил дух свой в людей не для того, чтобы они имели жизнь радостную и вечную. И всякий человек может иметь такую жизнь. Такая жизнь и есть царство божие.

И потому царство божие надо понимать не так, что для всех людей в какое-нибудь время и в каком-нибудь месте придет царство божие, а так, что если люди признают в себе дух божий и живут им, то такие люди вступают в царство божие и не страдают и не умирают; если же люди не признают в себе духа и живут для тела, то такие люди страдают и погибают.

11

И ВСЕ больше и больше народа ходило за Иисусом и слушало его учение. И фарисеям это стало неприятно, и они начали придумывать, как бы обвинить Иисуса перед народом.

Шел раз Иисус в субботу с учениками через поле. Ученики рвали по дороге колосья, растирали их в руках и ели зерна. А по учению евреев бог установил с Моисеем завет о том, чтобы люди ничего не работали в субботу, а только молились богу. Увидали фарисеи, что ученики Иисуса трут колосья в субботу и остановили учеников и сказали им: — Так не годится делать в субботу. В субботу нельзя работать, а вы растираете колосья. В законе сказано, что следует казнить смертью тех, кто работает в субботу.

Иисус услыхал это и сказал: — Пророк сказал, что бог хочет любви, а не жертвы. Если бы вы понимали эти слова, вы не осуждали бы моих учеников. Человек важнее субботы.— И фарисеи не знали, что ответить на эти слова, и замолчали.

В другой раз фарисеи увидали, что Иисус пришел в дом у сборщику податей Матфею и обедал вместе со всеми домашними. А те, с кем он обедал, считались у фарисеев неверными. Фарисеи стали осуждать Иисуса: они говорили, что незаконно есть с неверными.

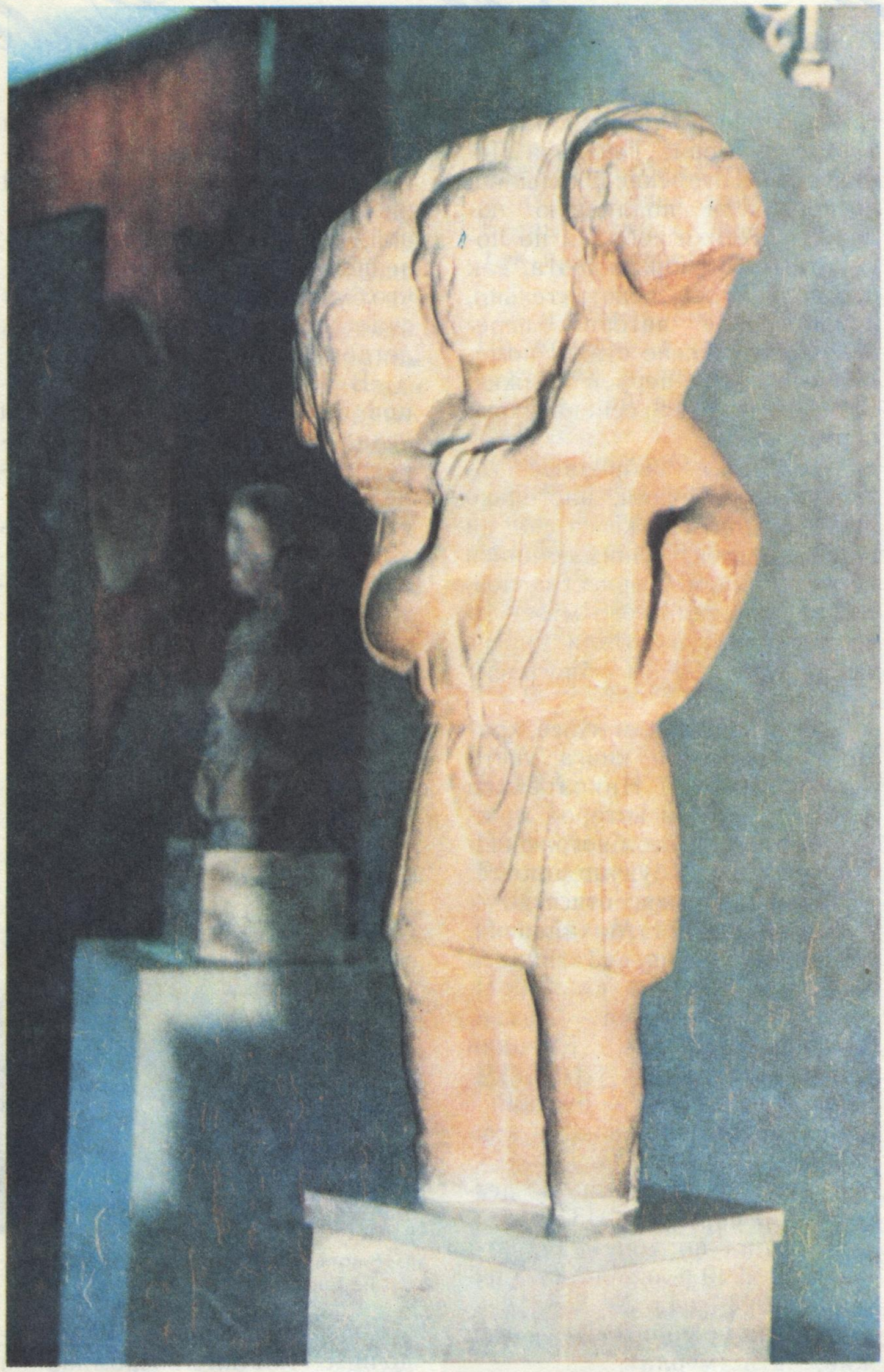
А Иисус сказал: — Я учу истине всех, кто хочет научиться истине. Вы считаете себя верными и думаете, что знаете истину, и потому вас уже нечему учить. Учить, стало быть, можно только неверных. А как же они научатся истине, если мы не будем сходиться с ними?

Тогда фарисеи, не зная, что ответить на это, стали укорять учеников Иисуса за то, что они едят хлеб неумытыми руками. Сами же они строго вели по своему преданию, как мыть руки и посуду. И все, что с торгу, если не вымыли, не ели.

На эти слова Иисус сказал: — Вы упрекаете нас за то, что мы не соблюдаем омовения, когда едим, но ведь осквернить человека не может то, что входит в тело человека. Оскверняет человека то, что выходит из души человека, потому что из души человека выходит зло, блуд, убийство, воровство, корысть, злоба, обман, наглость, зависть, клевета, гордость и всякое зло. Все это выходит из души человека, и только зло может осквернить человека. Пусть будет у вас в душе любовь к братьям, и тогда все будет чисто.

Рисунки Н. Саутина

Продолжение следует

ХРИСТОС — ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ

В Эрмитаже, на 3 этаже знаменитого музея, при входе в залы византийского искусства нельзя не заметить небольшую мраморную скульптуру юноши-пастуха с ягненком на плечах. Кажется, это просто сюжет, подмеченный в жизни — ведь пастухам действительно часто приходится возвращать заблудившуюся овечку в стадо, неся ее на спине. По стилю изваяние очень похоже на скульптуры, которые стоят внизу, в залах античного искусства греков и римлян. Но все дело в том, что это — не просто пастушок. Перед нами — одно из первых изображений Иисуса Христа.

Думая, как надо изображать Христа, первые христиане решали сложную задачу. Передать облик человека художники той поры умели очень хорошо, реально и убедительно. Но как выразить божественную сущность образа Спасителя человечества, в которого они верили? Вот они и обращались к древней символике, знакомой по дохристианскому Новому Завету.

Еще библейские пророки сравнивали мир с овчарней, а Бога с пастырем, то есть пастухом, оберегающим свое стадо, иначе говоря, души людей. И сам Христос говорил в этом духе: «я пастырь добрый», что было понятно простым людям. С той поры пастуший посох стал символом церковной власти в руках первосвященников, а грешников стали называть «заблудшими овцами».

В то же время ягненок издавна был жертвенным животным, воплощением кротости. Церковное слово «агнец» и означает в переводе с греческого «чистый, кроткий». Христос, принесший себя в жертву ради спасения людей, сравнивается с Агнцем. Теперь понятно, почему «добрый пастырь» представлен юным, безбородым — он также безгрешен и чист. Он кротко берет на свои плечи тяжесть предстоящей жертвы.

Как известно, в первые века новой эры христиане подвергались гонениям. Им приходилось скрываться в подземельях, которые были местом молений и служили гробницами. В недрах этих лабиринтов и стояли скульптурные образы Доброго Пастыря. Его изображали и в мозаиках. Старая языческая и новая христианская религии были противоположны и непримиримы друг к другу. Для христиан прекрасные античные статуи были лишь языческими идолами ложной веры. Но античные эллинистические традиции искусства отразились и в стиле христианских произведений.

Анатолий БАСЫРОВ

Страна поэзия

В музее Николая Рубцова

Двадцать лет назад трагически оборвалась жизнь замечательного русского поэта Николая Рубцова. Двадцать лет назад... Хотя и сейчас ему исполнилось бы всего пятьдесят пять.

Короткая жизнь поэта была непростой и нелегкой. Ему было шесть лет, когда умерла мать, и отец, отправляясь на фронт, отдал старших детей своей сестре, а младших — Николая и Бориса — сдал в детдом.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик «Скорей!»
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

В этом детдоме на берегу Толошмы и вырос Рубцов. Здесь, в селе Никольском, открылся минувшим летом музей Николая Рубцова.

Это не первый музей, посвященный поэту. Первый был создан еще десять лет назад в школе номер один города Тотьмы.

Под руководством своей учительницы и бессменного директора музея — Маргариты Афанасьевны Шананиной ребята записывали воспоминания людей, знавших Рубцова, собирали документы о его жизни, его фотографии. Несколько лет назад ребята даже «переиздали» первую самодельную книжку Николая Рубцова «Волны и скалы», которую напечатал самиздатовским способом в 1962 году Борис Тайгин в Ленинграде. Тотемские школьники воспроизвели подлинную обложку, а стихи собрали по посмертным сборникам поэта. Так что получилось, действительно, доработанное автором переиздание — многие стихи, помещенные в той первой книжке, Рубцов потом основательно переработал.

Николай Рубцов в седьмом классе. Одна из фотографий, найденных ребятами из музея школы номер один города Тотьмы.

Материалы, собранные тотемскими ребятами, настолько интересны, что кажется еще ни один человек, занимающийся исследованием творчества поэта, не миновал этого музея. В его «фондах» работали многие литературоведы и биографы Рубцова.

Здесь, в школьном музее, хранится подлинная книга учета воспитанников Никольского детского дома, в которой можно найти первые биографические сведения о будущем поэте:

«Фамилия, имя, отчество — Рубцов Николай Михайлович.

Год рождения — 3 января 1936 года.

Место рождения — Архангельская область, Емецкий район, село Емецк.

Национальность — русский.

Семейное положение — имеет отца.

Время поступления в детдом — 20 октября 1943 года.

Поступил по документу: путевка № 2260 р. облоно от 8 октября 1943 года № 859518.

Сведения о родителях — отец жив, мать умерла».

Эти документы дополняются воспоминаниями учителей и воспитателей детдома, самих бывших детдомовцев.

«Я была закреплена за спальней младших мальчиков,— рассказывала ребятам бывшая воспитательница Никольского детдома Антонина Михайловна Жданова.— В спальне иногда было холодно. Не было свету. Не хватало постельных принадлежностей. Дети спали по двое на кровати. Коля Рубцов — вместе с Толей Мартюковым. Дети со всем смирились. Ни на что не жаловались».

«Целыми вечерами сидели ребята в пионерской комнате...— это уже из воспоминаний пионервожатой Е. И. Семенихиной.— И мечтали, сидя у раскаленной печки. Мечтали о том, что будет время, когда все будут счастливы, не будет никаких детдомов...»

«В 1953 году Николай Рубцов закончил семь классов и уехал поступать в Ригу, в речное училище. Выдали ему самодельный чемодан, который вместо замка закрывался гвоздиком. Мы, девочки, подарили Коле двенадцать носовых платков — и все обвязанные, вышитые нами...»

Николай Рубцов во время службы на флоте.

Листаешь исписанные тетрадочные листки воспоминаний и встает перед глазами вся короткая жизнь Николая Рубцова. Он много мотался по стране, работал кочегаром на тральщике, шихтовщиком на Кировском заводе в Ленинграде, учился в литературном институте в Москве, но всегда в самые трудные минуты жизни возвращался в Тотьму, в село Никольское, которое стало его родиной. Здесь он вырос, здесь написаны лучшие его стихи. Однажды он сказал в шутку:

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,

Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

Это шутливое предсказание Николая Рубцова сбылось.

«Николай Рубцов — поэт долгожданный,— писал Глеб Горбовский.— Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией — непридуманной, органической. Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без его стихов — надвигалось...»

Но так о Рубцове, к сожалению, стали говорить только после его трагической гибели.

В школьном музее, о котором я рассказываю, мое внимание привлекла неизвестная мне фотография Николая Михайловича. В свитере, сложив на груди руки, чуть усмехаясь, смотрел с нее Рубцов.

— А где вы ее нашли? — спросил я у Маргариты Афанасьевны.

— Не знаю...— смутилась она.— Не знаю даже, можно ли об этом рассказывать? Вообщем, мы ее в Никольском нашли. Там на чердаке сельсовета стенд валялся... Она на доске «Тунеядцам — бой!» была вывешена...

Ну, отчего же нельзя рассказывать такое? Можно... И даже нужно, если мы, действительно, хотим понять, как жил великий русский поэт. Кстати записи в тунеядцы подвергся в те шестидесятые годы не один Рубцов. Будущий лауреат Нобелевской премии ленинградский поэт Иосиф Бродский был даже осужден за тунеядство и выслан из города...

Николай Рубцов не только прекрасный лирик, он писал стихи и для детей. Этих стихов не так много, но они не случайны в творчестве поэта. Лучшие качества рубцовской лирики — доброта, бесконечная любовь ко всему живому, умение понять и постигнуть любое проявление жизни, присутствуют в них точно также, как и во «взрослых» стихах.

Николай КОНЯЕВ

Николай РУБЦОВ

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой,—
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

КОЗА

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
— Как не стыдно тебе, егоза? —
И коза опустила глаза.
А когда разошелся народ,
Побежала опять в огород.

ВОРОБЕЙ

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

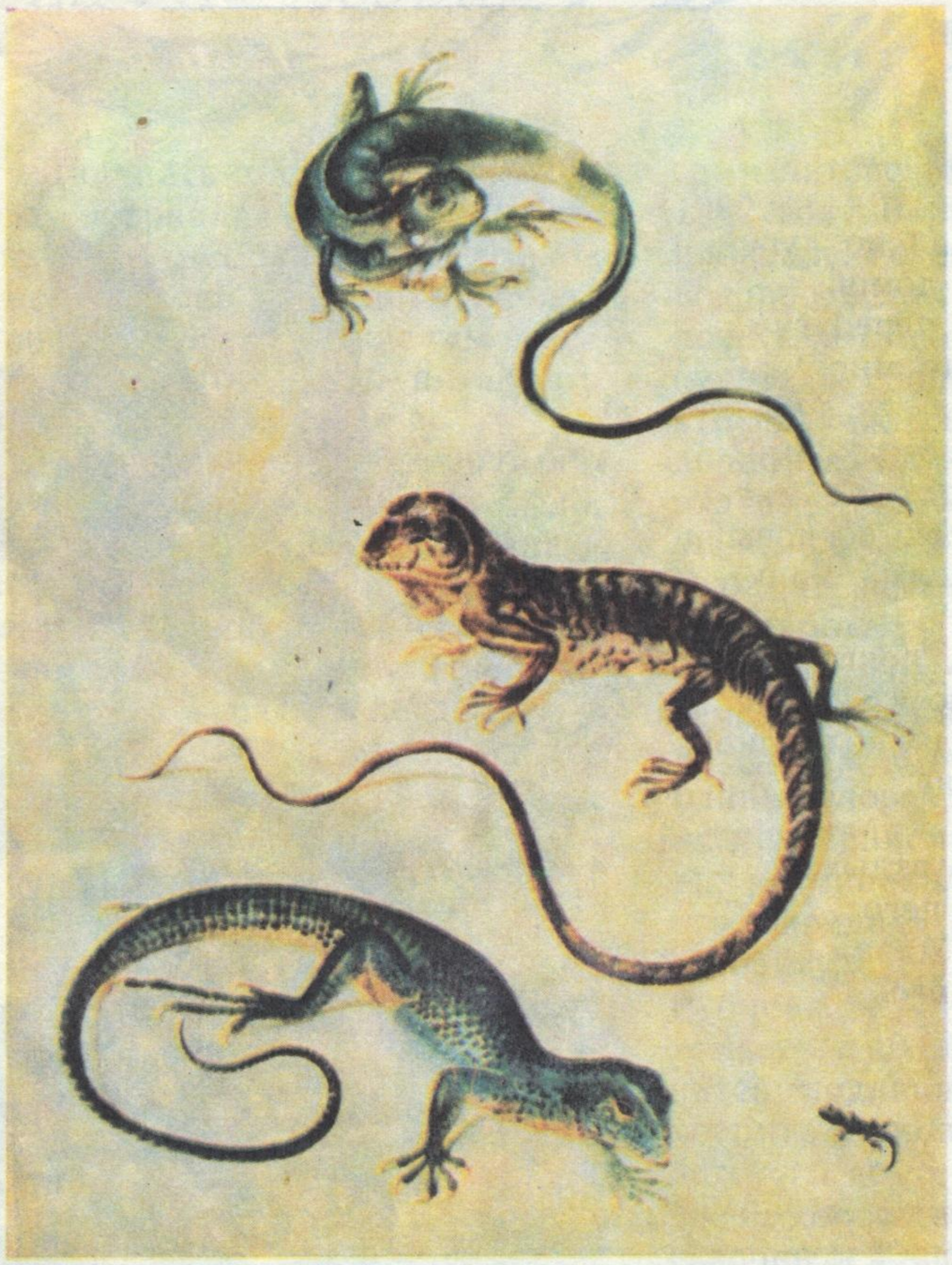
ЛАСТОЧКА

Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

О ДЕВОЧКЕ, КОТОРАЯ ЛЮБИЛА РИСОВАТЬ НАСЕКОМЫХ

Жила на свете девочка, ее звали Мария Сибилла Мериан. Ее отец был немецкий художник, и в доме было много картин и книг с картинками. Мария Сибилла любила разглядывать рисунки с изображением далеких стран и диковинных зверей. Особенно любила она один рисунок — на нем по деревьям бегали обезьяны, в лесной чаще прятались леопарды, а в них стреляли из луков обнаженные темнокожие люди.

— Вот вырасту,— думала она,— и увижу все это своими глазами. И нарисую еще лучше.

Вокруг дома Марии Сибиллы было множество цветов, а еще росли шелковичные деревья. Девочка часто залезала на них, чтобы полакомиться сочными ягодами. Рядом, в просторном сарае, ее мать разводила шелковичных червей — так называют гусеницу бескрылой бабочки, тутового шелкопряда. Каждое утро девочка срезала охапки листьев шелковицы и раскладывала их на полках, где ползало множество гусениц; весь сарай был полон странным хрустящим звуком — это тысячи гусениц грызли листья. Девочка чистила полки, сортировала гусениц по размеру, собирала в корзинку их белые продолговатые коконы, сплетенные из тончайших нитей. Из этих нитей ее мать делала шелк, на котором вышивала людей, животных, а особенно часто — цветы. Мария Сибилла оказалась способной ученицей и научилась вышивать не хуже матери, но больше всего она любила сидеть в саду и рисовать цветы и насекомых. Она рисовала их так же тщательно, как вышивала — самыми тоненькими кисточками на плотной белой бумаге.

Насекомых тогда не любили, нередко называли «омерзительными тварями», но маленькая Мария Сибилла могла часами любоваться жуками и их блестящими панцирями, длинноногими кузнечиками и причудливо окрашенными гусеницами, неторопливо ползающими по листьям. Порой она дразнила гусениц, трогая соломинкой; одни падали на землю, сворачиваясь пушистым клубочком, другие изгибались и выпускали сзади длинные извивающиеся нити, похожие на жала, чтобы испугать врага.

В саду, на лугах, в кустарнике у стен старой крепости она отыскивала самых разных гусениц и выкармливала их. Потом они окукливались, сплетая шелковистый кокон или просто прицепившись к веточке. Сколько раз Мария Сибилла любовалась маленьким чудом, когда куколка, похожая на спеленутого ребенка, лопалась и из нее осторожно, понемножку выбиралась бабочка — сперва нескладная, почти бесформенная. Посидит, соберется силами — и вдруг разворачивает крылья, словно ярко раскрашенные паруса.

Девочка выросла и сама стала художницей. Она научилась переносить рисунок на медную доску тончайшим стальным резцом, а потом печатать с этой доски гравюры — точные копии рисунка. Правда, они получались черно-белыми, зато с одной доски можно было сделать много отпечатков и потом раскрасить их. Гравюры можно было переплетать как книги, и стоили такие книги недешево. А ведь Марии Сибилле надо было зарабатывать на жизнь. Она сделала несколько таких книг с гравюрами цветов, их стали покупать. И тогда она напечатала «Книгу гусениц» с множеством великолепных рисунков. На них были и растения, на которых живут гусеницы, и сами гусеницы, и куколки, и вылетающие из них бабочки. Не забыла она нарисовать и яйца, отложенные бабочками на листья.

Надо сказать, что в те времена если художники и рисовали бабочек и других насекомых, то обычно брали мертвых, засушенных, не очень похожих на себя. И главное — никто тогда еще не умел наблюдать за их жизнью. Даже опытные натуралисты, исследователи природы, нередко считали гусениц просто червяками и не догадывались, что гусеница — это будущая куколка и что в куколке таится бабочка. А Мария Сибилла, ухаживая за шелковичными червями, знала это с детства.

Когда «Книга гусениц» появилась в книжных лавках, о ней сразу стали говорить. Художники восхищались изяществом и тонкостью рисунка, красотой крыльев бабочек. А ученые были ошеломлены — ведь эта женщина, не учившаяся ни в каких университетах, смогла увидеть, изучить и показать всему свету удивительное явление — превращение насекомых.

Ученые любят называть новые открытия словами, взятыми из древних языков. По-гречески «превращение» — это «метаморфоз». Так и назвали преображение гусеницы в куколку, а затем в бабочку. Мария Сибилла открыла его не самой первой, зато изучила превращение у десятков бабочек и показала его всем на своих рисунках.

Мария Сибилла Мериан была тихой, спокойной женщиной, и жизнь ее текла спокойно и тихо. Она переехала из Германии в Голландию — страну, где особенно любили цветы и где за ее рисунки и вышивки платили немалые деньги. Она растила дочерей, рисовала насекомых и начала стареть. Ей исполнилось пятьдесят два года, и казалось, что все самое интересное в ее жизни было уже позади. Но сама она думала совсем иначе.

Сколько раз, рассматривая разные диковины, привезенные из далеких стран купцами и путешественниками, она любовалась огромными бабочками, поразительно яркими жуками, причудливыми богомолами. Но все они были мертвые, высушенные, с обтрепанными крыльями и сломанными ногами. Как красивы они должны быть у себя на родине, среди диковинных цветов и плодов, как интересно было бы наблюдать их превращения! И вот однажды на небольшом торговом судне Мария Сибилла с младшей дочерью, тоже художницей, отправилась не куда-нибудь, а в далекую Южную Америку, в голландскую колонию Суринам.

Когда она сошла на берег, то у нее разбежались глаза, она не знала, на что смотреть — на огромные стаи алых, как заря, птиц-ибисов, или на сонных крокодилов-кайманов, спокойно

лежащих по берегам рек, или на бабочек морфо, у которых громадные крылья при каждом взмахе вспыхивали синим пламенем. И она поняла, что начинаются самые счастливые годы в ее жизни.

По утрам, пока насекомые были вялыми и сонными после ночной прохлады, Мария Сибилла с дочерью шла их собирать. Вот по дереву медленно движется огромный и пестрый, с вытянутыми вперед передними ногами жук-арлекин. В коробку его! Неподалеку — цикада-фонарница с огромным выростом на спине, а под отставшей корой — жук-златка, сияющий как золотой слиток; и для них находится место в коробках и банках.

Днем к Марии Сибилле приходили индейцы с расписанными краской лицами, украшенные яркими перьями и ожерельями из ракушек. Они подолгу смотрели, как под ее кисточками на бумаге возникают изображения цветов, бабочек, ящериц. Они приносили ей змей и жуков, ручных обезьян и птиц, свежую зелень для гусениц. Однажды они принесли ей несколько десятков жуков, завернутых в пальмовый лист. Мария Сибилла высыпала их в стеклянную банку и ушла на весь день. Когда поздно вечером она вернулась, то решила, что в комнате пожар — так ярко она была освещена. Это светились в банке жуки-светляки.

Иногда Мария Сибилла выплывала с индейцами на долбленой лодочке-пироге по узким речкам в самую чащу тропического леса. Листва нависавших над водой деревьев не пропускала ни лучика солнца, в самый яркий полдень здесь было темно, как в сумерки. И за каждым поворотом речки можно было увидеть какого-нибудь зверя. То это был тапир со смешным коротким хоботом, то пришедший напиться ягуар — а однажды Мария Сибилла увидела скользящую в зеленой воде громадную анаконду, самую крупную змею на свете.

Два года провела Мария Сибилла в Суринаме, а когда вернулась, то привезла целые сундуки с насекомыми и различными редкостными животными, а самое главное — множество рисунков.

В честь ее возвращения в столице Голландии Амстердаме развесили флаги, а в самом большом зале города была устроена огромная выставка всех рисунков и множества диковин, привезенных ею из Суринама. Все восхищались мужеством этой немолодой женщины, ее огромными знаниями и мастерством художника. Ведь в то время ученых женщин было очень мало, а женщин-путешественниц, женщин-исследователей не было вообще.

А тем временем Мария Сибилла уже писала новую книгу — «Метаморфозы суринамских насекомых». Она была огромной, каждая страница в газетный лист, и ее украшало множество великолепных гравюр с изображением насекомых и других животных.

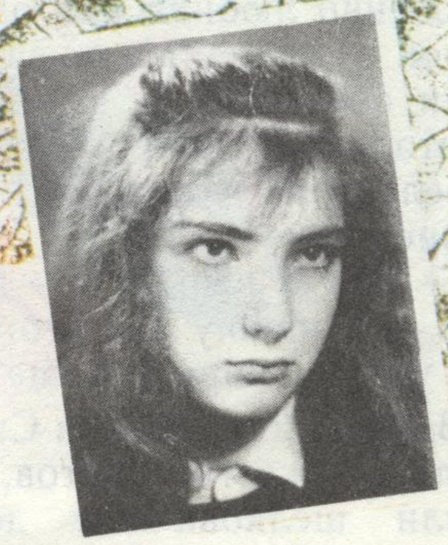
О книгах Мериан и ее рисунках знали во всех концах Европы, слышали о них и в России — их прислали в Петербург для императора Петра Великого, и ему они очень понравились. Поэтому, когда он приехал в Амстердам, он пошел в дом к Мериан. Её уже не было в живых, но Петр приказал купить для него несколько сот ее рисунков и пригласил работать в Россию ее дочь, ту самую, что побывала с Марией Сибиллой в Суринаме.

О России тогда рассказывали страшные сказки, говорили, что на улицах русской столицы ходят белые медведи. Но дочь Марии Сибиллы была отважна, как и ее мать. Вместе с мужем, тоже художником, она приехала в Россию. Они много лет прожили в Петербурге, обучая русских художников.

А рисунки Марии Сибиллы два с половиной века сберегались в русских музеях, как великая ценность и в конце концов, уже в наши дни, были напечатаны снова.

В. ТАНАСИЙЧУК

КАК «Незнакомка-90»

Всем известно: финал конкурса должен был состояться в январе. И в конце прошлого года мы уже готовились вызвать финалисток в Ленинград, когда на редакцию обрушилась лавина писем. За несколько дней их пришло в два раза больше, чем за предыдущие восемь месяцев.

Отвечая на вопросы второго тура, одни девочки честно просили простить за опоздание, другие в своей задержке обвиняли почту, а третьи — делали вид, что никаких сроков для них не существует.

Мы подумали и решили перенести финал с зимних каникул на весенние. Значит, в ближайших номерах — продолжение рассказа о Незнакомке. А сегодня — строки из ответов финалисток...

Если по-честному, школу кончать не собираюсь. После девяти классов постараюсь поступить в медицинское училище. Не получится — тогда в ПТУ. Почему? По характеру я — лидер и мои отношения с учителями не сложились. Противостояние в нашей школе никогда не поощрялось...

Света Ширяева,
Коломна
Московской обл.

стала «Незнакомкой-91»

В нашей семье очень любят пирог, который я готовлю. Его рецепт: 3 яйца, банка сгущенки, 2,5 стакана муки, около 100 г варенья и сода на кончике ножа. Сперва надо хорошо взбить яйца, потом влить туда сгущенку. Все это тщательно перемешать. Добавить гашеную уксусом соду. Непрерывно помешивая, высыпать муку. Полученную массу выпекать на противне. Приблизительно 15 минут в духовке при температуре 250°. Выпеченный пирог разрезать пополам. Промазать между слоями и сверху вареньем. Пирог можно украсить ягодами, орехами, тертым шоколадом.

Наташа Семененя,
Симферополь

Я слушаю музыку даже во время уборки квартиры. И поверьте, с наслаждением пылесошу, мою полы, вытираю пыль. А еще люблю вышивать, ухаживать за цветами или рассматривать свою коллекцию марок и значков.

Наташа Проскурина,
Старый Оскол
Новгородской обл.

Наш клуб — это и место для сбора молодежи и помещение для собраний рабочих. Снаружи вид у него весьма обшарпанный, хотя красится регулярно. Над входом повешена абсолютно новая вывеска. Она гласит, что это — Кутамышенский клуб. Он смотрит на улицу тремя окнами. Над окнами — нарисованный на фанере плакат, который объясняет всем непросвещенным жителям, как нужно помогать перестройке.

Ира Щербакова,
пос. Кутамыш
Пермской обл.

Не хочу, чтобы мой друг был ревнив — это я ненавижу! И пусть у него будут белые, как у меня, волосы. Если бы он курил, я бы отнеслась к этому недостатку равнодушно. А вот пить спиртное я бы запретила. Я бы так ему и сказала: «Или — я, или — водка!»

Катя Багина,
Тюмень

Мне кажется, что летом одежда должна быть яркой и легкой. Такая кофта без рукавов и легкая юбка будут удобны в любую жару, самс я очень хочу быть модельером. Мне нравится «изобретать» новые фасоны одежды.

Юля Четверикова,
Мурманск

Женя Липский обыкновенный парень, недавно ему исполнилось 16 лет. Учится сейчас на первом курсе технического лицея и довольно хорошо, хотя в школе учился на одни тройки. Человек он по натуре добрый и с ним никогда не скучно.

Оксана Пенц,
Качканар
Свердловской обл.

«Овод» потрясает трудной судьбой героя и заставляет страдать вместе с ним. Ради своих идеалов он отказался даже от жизни. Книга Войнич целиком завоевывает и не оставляет в душе ни единого уголка для посторонних мыслей.

Алена Ляхова,
г. Жуковский
Московской обл.

Люблю ездить на лошадях. Умею также ездить на машине, тракторе и мотоцикле. Летом работала в совхозе помощником тракториста.

Катя Барышева,
село Дипроверцы
Винницкой обл.

Я слышала легенду, чтобы стены Нижегородского Кремля были надежны и недоступны для врагов, в основание одной из башен замуровали девушку. Утром пошла по воду с коромыслом и... исчезла. До сих пор та башня называется Коромысла башня, но мне хочется верить, что это все-таки неправда.

Юля Харламова,
Нижний Новгород

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Константин КИНЧЕВ:

«ВРЕМЕНИ ДЛЯ ТУСОВОК НЕ ОСТАЛОСЬ»

...На сцене медленно гаснет свет. К микрофону подходит ведущий: «Ребята, вы не забыли, что такое «Алиса»? «Алиса» — это ветер!» Мощный рев сотрясает стены многотысячного зала. В течение двух часов этот рев будет действовать на нервы охранникам порядка, ибо сегодня на сцене — «Алиса».

Да-да, это та самая «Алиса», которая, подобно шквальному ветру, ворвалась на звездный небосклон ленинградской рок-сцены. И сегодня уже трудно поверить в то, что когда-то эти музыканты, без труда собирающие полные Дворцы спорта и стадионы, играли в подвалах и на заброшенных дачах. А начиналось все это примерно так.

1983 год — из обломков двух ансамблей «Хрустальный шар» и «Демокритов колодец» известный ленинградский рокер Слава Задерий собирает команду и называет ее «Алиса». Группа играет новую волну с элементами традиционного рок-н-ролла.

1984 год — на даче гитариста группы «Секрет» Андрея Заблудовского происходит «историческая» встреча Славы Задерия и Кости Кинчева. Ребята решают проблемы совместного творчества, и как итог этих дискуссий — альбом Кинчева «Нервная ночь», записанный с помощью Славы, Андрея и барабанщика из «Секрета» Леши Муратова.

Вскоре Костя окончательно перебирается в «Алису», принеся с собой новое звучание, новый образ и новые песни. В конце года группа снимается в фильме «Переступить черту», а Кинчев признается лучшим певцом года.

1985 год — начало бурной концертной деятельности. Группу с восторгом принимают не только в Ленинграде, но и в Москве; ребята хорошо показываются на 3-м Ленин-

градском рок-фестивале и входят в число лауреатов. В конце года музыканты приступают к записи своего первого альбома, но в процессе работы группа практически распадается — уходит Слава Задерий, а также гитарист и звукорежиссер. Но несмотря на внутренние разногласия, «Алисе» все же удается дописать и выпустить в свет альбом «Энергия», который сразу же становится бестселлером.

1986 год — поиски оптимального состава. Концерты. Подъемы. Провалы. Переход к более агрессивной и жесткой музыке. Костя снимается в главной роли в фильме «Взломщик».

1987 год — начало нового подъема группы. После долгого перерыва в «Алису» возвращается старый гитарист, и теперь группа выступает в стабильном составе: Костя Кинчев, Петя Самойлов (бас), Андрей Шаталин (гитара), Павел Кондратенко (клавишные), Михаил Нефедов (барабаны) и Саша Журавлев (саксофон). Отличное выступление на 5-м Ленинградском рок-фестивале совпадает с выходом второго альбома «Блок Ада».

1988 год — до лета полное молчание, нескончаемые судебные разбирательства с газетой «Смена», обвинившей Кинчева в пропаганде фашизма, которая в итоге приносит свои извинения «Алисе» и лично Кинчеву. И только 10 июня на сцене Ленинградского рок-клуба происходят грандиозное «возвращение» «Алисы».

1989—1990 годы — «Алису» признает центральная пресса, ТВ и... милиция. Третий альбом группы «Шестой лесничий» еще раз доказывает стремление Кинчева оставлять за собой право на оценку событий, на борьбу с тоталитарностью. К весне оживляется и фирма «Мелодия», выпустившая все три пластинки ансамбля. В конце 1990 года выходит альбом «206/2».

Наш разговор с Костей Кинчевым состоялся во время репетиции.

— Костя, что нового у нашей любимой «Алисы»!

— Мы обновили состав — появился второй гитарист Игорь Чумичкин, Пашу Кондратенко заменил Андрей Королев, а Саша Журавлев ушел в армию.

— И все! За целый год!

— Ну, мы еще окончательно покорили весь Советский Союз — дали концерты в Магадане, Воркуте, на Камчатке, на Сахалине...

— А почему такие суровые места — Магадан, Воркута!..

— Под Магаданом похоронен мой дед, которого убили в 37-м, как врага народа. Для меня эта поездка была данью памяти. А что касается Камчатки, то и там рок-н-ролл жив! Кстати, скоро собираемся поехать на Курильские острова, а если повезет, то и на Командорские.

— Костя, всем нам памятна история со «Сменой». Тебя тогда обвинили в неонацизме. Научился ли ты чему-нибудь после всего этого скандала!

— Мне нечему было учиться. Когда тебя публично называют фашистом, без всяких на то оснований...

— Не пропало ли после этого доверие к официальной прессе!

— А какая разница — официальная или неофициальная. Везде есть и хорошие люди, и негодяи. Вторых, к сожалению, все больше и больше.

— Какие у тебя отношения с властями!

— Никаких.

— Изменилось ли что-нибудь в твоей жизни с рождением сына!

— Конечно, и многое. Стало меньше времени на работу — надо стирать пеленки. Появилась масса хлопот, но вместе с тем появился и страх за его жизнь, за то, чему я его смогу научить, каким буду примером.

— Костя, а тебе не мешают стирать пеленки, например, твои фаны!

— Слава богу, мне никто не звонит и не дышит в трубку, никто не расписывает двери квартиры, никто не дежурит под окнами. Но все это объясняется просто — у меня никогда не было места, где бы я подолгу жил. С одной стороны, это плохо, а с другой — как видишь, хорошо.

— Что тебя привлекает в роке: деньги, музыка, тусовка!

— Мне уже 31 год, и я стар для тусовок. А рок — это мой Бог, мой воздух, моя вера, это возможность быть самим собой и общаться с людьми не для денег, а для обоюдного понимания.

Выпуск подготовил
Александр ИГУДИН

Фото А. Абейдулина

Уголок любопытных фактов

Англичанка Мэри Хортон недавно получила почтовую открытку посланную ей в... 1934 году ее отцом. Открытка застряла в почтовом отделении между шкафами. А так, английская почта известна своей аккуратностью: был случай, когда один взбалмошный джентельмен решил отправить по почте... слона. Наклеил на него марки и что вы думаете? Почта приняла и доставила необычное отправление.

В германском городе Марктобердорфе находится единственный в мире музей мышеловок. Дело поставлено с размахом: тут же имеются мыши, чтобы демонстрировать, как работают ловушки, и любые подручные материалы — вдруг вам вздумается предложить мышеловку своей конструкции! Придумаете — сотрудники музея помогут оформить и чертеж и свидетельство об изобретении.

Весёлый звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Поздравили

Положили мне на парту
И открытку, и букет:
— Вовик, с днем Восьмого марта!
Будь здоров! Держись! Привет!
Я краснею как девчонка,
Скорбно глядя на цветы.
А друзья хохочут звонко,
Надрывают животы!
Но смешно на них сердиться,
Если вышла дребедень:
Угораздило родиться
В этот самый женский день!

Валерий ШУМИЛИН

— Придумай предложение с предлогом «на».

— «Корова залезла на дерево».

— Зачем?

— Чтобы был предлог «на»!

— Приведи пример трения.

— Например, человек скользит на льду. А чтоб он не скользил, его посыпают песком.

— Почему в космосе люди обладают невесомостью?

— Потому что там космонавты ничего не едят

— Какой вид спорта ты любишь больше всего?

— Потягивание!

Прислали:
Толя Стулов *(Рига)*,
Боря Володин *(Тула)*,
Инна Швайгер *(пос. Ключи Алма-Атинской обл.)*,
Таня Борисенко *(пос. Тайгинка Челябинской обл.)*.

Начался урок природоведения. К доске вызвали Суликова.

— Что ты нам расскажешь о скелете человека? — спросила учительница.

Витя молчал.

— Хорошо. Назови части нижних конечностей человека.

— Ну, эта... голень. Потом, как его, ступа...

— Ты что, нам про Бабу Ягу рассказываешь?

И все засмеялись!

Оля Карабасова,
5 класс,
Миасс Челябинской обл.

Нам задали написать сочинение на тему «За что ты любишь свою маму».

При этом учительница сказала:

— Я надеюсь, что ваши сочинения будут глубокими по содержанию и не такими, как мне написали в параллельном классе. Вот послушайте:

«Мама — это хрупкое вещество. Ее нужно беречь. Я люблю свою маму за то, что она готовит, стирает и помогает мне делать уроки, а я за нее кушаю и сплю».

И все засмеялись!

Света Черняева,
7 класс,
с. Новороссийка Амурской обл.

— Предмет, который мы начинаем изучать,— сказала учительница,— называется «Основы советского права». К нам на урок будут приходить специалисты — прокуроры, милиционеры, работники уголовного розыска.

— А комиссар Каттани придет? — спросил с задней парты Женя.

И все засмеялись!

Кристина Бонн,
Чистополь

На уроке литературы мы изучали «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина.

Ольга Тимофеевна сказала:

— Давайте вспомним, что делает князь Олег после того, как умирает его конь.

И тут раздался крик Оли Ивановой:

— А он бумажками кидается!..

И все засмеялись!

Настя Перлухина,
Тюмень

Ученик: «Амур замерзает в некоторых местах зимой...»

Учитель: «А в некоторых местах летом?»

На уроке пения мы очень плохо исполняли песню.

— Этот стон у нас песней зовется!,— сказала учительница.

Ученик читает наизусть стихотворение:

— Вечор, ты помнишь, вьюга злилась... Вечор, ты помнишь, вьюга злилась... Вечор, ты помнишь...

Учитель не выдерживает:

— Помню, помню!

— Ложкин, почему опоздал?

— Григорий Петрович, я проспал!

— Надо было предупредить заранее!

— Гаврилова, что было задано на сегодня?

Гаврилова тычет пальцем в книжку:

— Вот это!

— Что?

— Вот это!

— Хорошо, садись. Ставлю тебе...

— Что?

— Вот это!

Прислали:
Альбина Гайсина и Света Гареева *(Уфа),*
Слава Беляева *(Донецк),*
Ира Агошкова *(г. Чехов),*
Оля Матюхина *(г. Тейково Ивановской обл.),*
Марина Мухортова *(с. Соленое Астраханской обл.).*

ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

Оформление Т. Панкевич

Март

Еще по-зимнему бело, но снег начал оседать. На льду озера сизыми пятнами проступает вода. А в воздухе — птичий звон. Дятлы долбят дупла: одно — себе, другие займут синицы или поползни, горихвостки, а может, и летучие мыши.

Вот и весенняя примета: грачи прилетели рано, но за ремонт гнезд не берутся, только летают да сидят на ветках — холод еще протянется. А если дружно засуетились, поправляют гнезда — жди через день-два теплой погоды...

Горлицы

Вокруг нашей школы — парк. Его заложили сами ребята. Сейчас он вырос и стал настоящим птичьим городком. Мы готовим птицам домики, кормушки, поэтому и летят они к нам. Скворцы селятся целыми колониями и за лето успевают два раза птенцов вывести. В кустах шиповника и жимолости вьют гнезда мухоловки, славки, дрозды. А однажды в теплицу принесли раненую золотистую щурку. Необычайно красивая, с клювом, как пинцет. Ребята посадили ее в клетку и неделю кормили насекомыми. Когда она выздоровела, выпустили на волю далеко от школы, так как в нашем дендропарке мы охраняем гнезда шмелей, диких ос и пчел, а щурка могла бы их съесть.

Но самая близкая птица для нас — это кольчатая горлица. Сблизил нас с ней один случай.

Это было два года назад, в конце зимы. Целый день валил снег и шапками покрыл все деревья и кусты. Замело все дороги. А под утро ударил сильный мороз, и все снеговые шапки заледенели. Деревья согнулись под непосильной ношей. А горлицы! Бедные горлицы! На деревьях они превратились в настоящих ледышек. Крылья перестали им подчиняться. Беспомощные, она падали прямо в снег на радость кошкам. Увидев это, наши пятиклассники отказались от завтрака и бросились спасать голубей. А за ними — третий и седьмой классы. В тот день мы спасли более 300 голубей. В бытовке обогрели и обсушили их, накормили и отпустили на волю. А горлицы?! Они совсем перестали нас бояться. Свои неуютные гнезда они вьют на акации у входа в школу, на сливе возле теплицы, и даже (вообще невероятно) между рамами в окне корпуса, воспользовавшись разбитым стеклом. В марте горлицы уже безмятежно сидят на гнездах, уверенные в нашей заботе и помощи.

Прислала
Г. Шлиенко,
Бендеры,
школа-интернат № 2

Огород на окне

Хотите, не дожидаясь лета, вырастить на своем окне ранние овощи, ароматную зелень? Попробуйте! Правда, удается это тем, кто заранее позаботился о семенах и питательном грунте.

С конца зимы можно высевать семена петрушки, укропа, салата, листовой горчицы, кресс-салата, редиса. Всё это хорошо растет в горшках и ящиках, особенно на южных подоконниках. Вот только с редисом надо схитрить: для него создают короткий световой день. С 8 до 18 часов держат ящик на подоконнике, а на остальное время затеняют или снимают с окна, чтобы растение не переходило к цветению, а развивались корнеплоды.

В комнате можно вырастить и сладкий перец. По содержа-

нию витамина С он первый среди всех овощных культур. Выращивать сладкий перец проще, чем огурцы или томаты. Для комнатных условий самые подходящие сорта — Ласточка и Винни-Пух.

В феврале-марте готовим горшок или посевной ящик с питательным грунтом, раскладываем семена на расстоянии 5 сантиметров друг от друга в небольшие бороздочки на глубину 1-1,5 сантиметра, засыпаем их землей, поливаем и ждем всходов. Всходы появятся недели через две, а еще через неделю рассаживаем их по 1-2 растения в горшки. Поливаем теплой водой, подкармливаем раз в десять дней. Через четыре месяца после посева можно снимать урожай. Перцы — самоопыляющиеся растения, любят свет, влажную почву, а воздух может быть и сухим.

Сладкий перец Винни-Пух — невысокое, но очень пышное растение. Каждый кустик дает около десятка крупных красных плодов. Этот перец может расти не один год. Осенью, когда растение отплодоносит и начнет сбрасывать листву, срезаем часть ствола, оставив 5-10 сантиметров... Весной этот стволик опять тронется в рост, даст молодые побеги и снова будет плодоносить.

Уголок любителей попугаев

«Дорогой «Костер»! Сейчас есть разные объединения: любителей кошек, любителей собак, любителей кактусов, а вот про любителей попугаев — не слышал. Я предлагаю открыть такой «Уголок любителей попугаев», где можно будет рассказать о своих птицах, обменяться опытом...»

Коньков Сергей,
х. Илларионовка Ростовской обл.

ВОЛНИСТЫЕ ПОПУГАИ

«Расскажите, пожалуйста, сколько проживет мой волнистый попугайчик? Мне его недавно купили, он еще молодой. Чем его кормить?»

Романюк Оксана,
г. Фрунзе

Волнистые попугаи могут жить в неволе долго, лет 15-20. Эти птицы одомашнены давно, и, пожалуй, самые неприхотливые из комнатных птиц. Но чтобы они жили долго, не болели и выводили здоровых птенцов — кормить их надо разнообразным кормом. Основной корм для попугайчиков — это зерновая смесь, полторы чайные ложки в день на одну птицу. Годится любое чистое зерно: овес, просо, пшено, канареечное и салатное семя, рапс, сурепка. Ячмень, пшеницу и кукурузу давай в полузрелом или проросшем виде, а горох — в вареном. Подсолнуха, конопли и орехов давай не более 5-6 зерен — это не корм, а лакомство. Семена салата, подорожника, одуванчика и других сорных трав можно заготавливать самому. Прямо в клетку в банке с водой можно ставить листья салата, капусты, одуванчиков, лебеды, мокрицы. Между прутиками клетки засунь свежие веточки деревьев, кустарников с почками и листьями (кроме бузины и сирени).

Раза два в неделю давай дополнительный корм: протертую морковь с вареным яйцом или 8-10 мучных червей, а также каши, творог, белый хлеб, размоченный в молоке или сладком чае. Фрукты, ягоды, овощи — зелень — неограниченно.

В отдельной чашке давай своему питомцу минеральный корм: толченую скорлупу от яиц или мел в смеси с березовым углем и чистым речным песком.

Питьевая вода пусть стоит всегда. Сколько пить, попугай знает сам. Главное, чтобы вода была свежей, комнатной температуры.

ЗАГАДКА С ПОДСКАЗКОЙ

Что общего у всех этих растений?

Вот подсказка: у них «птичьи» названия. Какие, знаешь?

Материалы подготовила Н. ИВАНОВА

ВОПРОС — ОТВЕТ!

— Можно ли еще вступить в АРЧЕБЕК? — (из письма Пети Лукьянова).

— Да, конечно! Все, кто желает испытать свои силы в шахматах или в шашках, кто хочет получить спортивный разряд, побороться за дипломы и призы, будут приняты. Пиши, Петя, не откладывая!

ЧЕМПИОНАТ — 91

Какие же боевые задания ждут разведчиков в сегодняшнем — третьем — туре? Смотри —

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крf5, Фb3, Сc7, Кd3; черные: Крd4, Cd6, п.c6.

Б. Белые: Крh4, Фa1, Cb2, п.d6; черные: Крg6, пп.c5, f2.

Цель разведки: установить, прав ли Владимир Кожакин (Магадан), автор этих задач, утверждающий, что в А возможно объявить мат в два хода, а в Б — в три.

Разъяснение обстановки. Кое-что о трехходовой задаче: как нужно ее решать и что писать в рапорте? Вот пример.

Белые: Крe1, Фa4, Cb8, п.a7; черные: Крa8, Ch7, п.d7. Мат в три хода.

В решении такой задачи требуется указать: а) первый ход белых, б) защиты черных от угрозы (если она возникла) и ответные действия белых. После ряда проб различных первых ходов наталкиваемся на правильный — 1.Фd4! Он создает угрозу мата сразу (2.Фd5X). От этой угрозы у черных есть две защиты — 1...Cg8 и 1...Крb7. Найдя, как при этих защитах белые своим третьим ходом дают мат, записываем решение так:

1.Фd4! (с угрозой Фd5X) 1...Cg8 2.Ф:d7

1.Фd4! (с угрозой Фd5X) 1...Крb7 2.a8Ф+!

Как видите, запись решения можно обрывать перед матующим ходом — его писать не обязательно.

РУССКИЕ ШАШКИ

А. Белые: a1, d2, e1, h2, h4; черные: b2, b4, b6, c3, c5, d4, e5, f6, g5, g7.

Б. Белые: c1, d2, e1, e5, f2, h4; черные: b4, b6, c3, c5, d4, f6, g5, g7, h2.

Цель разведки: выявить, что ожидает в этих позициях играющего белыми. Их автор, Сергей Корниенко (Новосибирск), пишет: «Белые одерживают победу и в А и в Б!» Это так?

Разъяснение обстановки. Внимание: командующий белыми вступает в сражение в А с пятью «бойцами» против десяти, а в Б — с шестью против девяти!

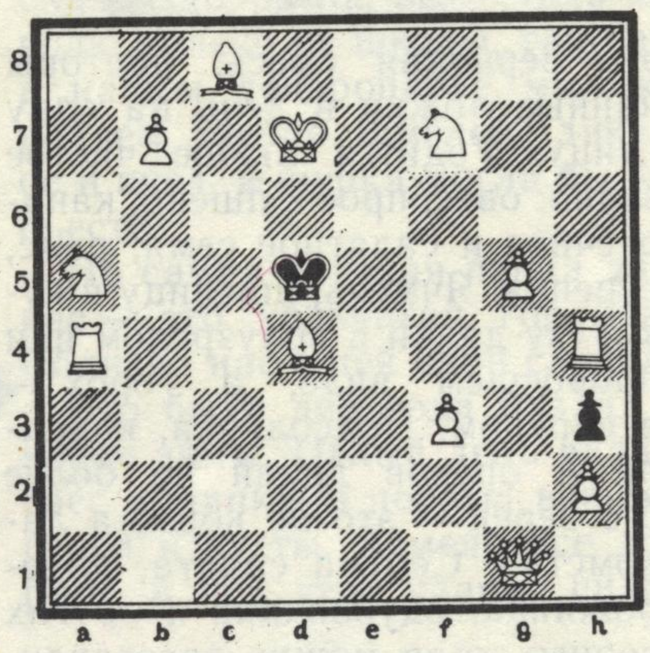
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ

А. Белые: 21, 27, 29, 35, 37, 38; черные: 6, 12, 13, 16, 25, 28.

Б. Белые: 23, 27, 39, 40, 42; черные: 8, 14, 17, 24, 30.

Цель разведки: определить, хорош ли будет в А ход черных 1...33 (в любки), а в Б их же ход 1...35 (с нападением).

Разъяснение обстановки. И в А и в Б сейчас ходить черным. В рапорте каждый разведчик МШ должен написать, сделал бы он названные выше ходы или нет. И указать причину.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

1. Расставь фигуры, как на диаграмме. **2.** Прими командование белыми. **3.** Напиши в рапорте ход, который ты бы тут сделал. Если есть, по-твоему, и другие хорошие ходы, укажи и их.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ

Вот решения, принесшие награды в конкурсе «Первый шаг» в «Костре» № 9, 1990 г.

№ 1 — 1.e5! 2.e3!X; **№ 2** — 1.e5! 2.g5X; **№ 3** — 1.e7! 2.ef2X; **№ 4** — 1.fe3! 2.g3 3.e3X; **№ 5** — 1.db6! 2.cd6! 3.b4!X.

Награждаются разведчики: **за № 1** — Тимур Чужинов (Уфа), за № 2 — Ира Мешенко (г. Фрунзе), за № 3 — Женя Нератис (Набережные Челны), за № 4 — Антон Плаксин (Каменск-Уральский), за № 5 — Светлана Хлевная (Винница), за все пять — Алеша Лосев (п. Рудничный), Женя Первушина (Омск), Володя Руденко (п. Халтасан).

Всем другим разведчикам, выполнявшим эти задания, шахмат-адмирал Ферзьбери объявляет благодарность!

КТО СКАЗАЛ ЧТО?

Три закадычных друга, Знай, Незнай и Полузнай, увидев однажды чью-то недоигранную партию, заспорили:

— При ходе белых тут мат в два хода! — сказал (Кто?)

— Пусть тут ход белых, но мат в два хода они все равно дать не смогут,— сказал (Кто?).

— Смогут или нет — неизвестно. Это зависит от предыдущей игры,— сказал (Кто?).

Доблестные разведчики! Что сказал Знай? (Положение было такое — белые: Крe6, Фa6; черные: Крe8, Лa8, пп.a7, c7).

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 1 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1.Лh6! **Б.**1.Фc8! и при любых ответах черных белые и в А и в Б объявляют вторым ходом мат.

РШ. А. 1.e5! 2.cd2X. **Б.** 1.c7! 2.g5X.

МШ. А. 1.31! 2.34X. **Б.** 1.20! (или 1.27!) 2.27! 3.30X.

Каждый разведчик должен завести «Листок учета» и записывать туда свои очки — по 5 за правильно решенную задачу Чемпионата, а начинающие учиться играть — за задания резерву.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Отправить рапорты (на почтовой карточке!) о разведке в течение двух недель со дня получения журнала.

§ 2. В рапорте писать только о боевых заданиях Чемпионата. Все другое посылать отдельно.

§ 3. Указать номер тура и свой пароль!

Шахмат-адирал Ферзьбери

Вот и весна! И 8 Марта, конечно! Поздравляю тебя! По-моему, это лучший весенний праздник. Хотя и не единственный.

Ты, наверное, слышала про старинный обычай — провожать зиму блинами и оладьями? Значит, кое-что знаешь о масленице. У этого народного праздника особенный смысл: издавна считалось, что на прощание зиму обязательно нужно ублажить, «умаслить», чтобы ушла без обиды и с добром вернулась на следующий год. Конец марта — как раз время таких проводов. Можешь верить или не верить в приметы — дело твое. Я предлагаю просто последовать старому обычаю и напечь для всей семьи блинов и оладьев.

Если ты никогда не делала этого, то начать лучше всего с так называемых скороспелых блинчиков — их рецепт прост и не требует особых хлопот. Смешай 2-3 яйца с тремя стаканами теплой воды, добавь по пол чайной ложки соли и соды, столовую ложку сахара, всыпь 500 г просеянной пшеничной муки и сбей тесто венчиком так, чтобы не было комков. Теперь разведи пол чайной ложки лимонной кислоты в стакане воды, влей в тесто и размешай. На разогретую сковороду, смазанную растительным маслом, выливай тесто поварешкой и равномерно распределяй его по донышку сковородки. Старайся, чтобы слой теста был как можно тоньше. Не так просто научиться ловко переворачивать блин. Но, думаю, с маминой помощью ты освоишь и эту премудрость. Подрумяненные с обеих сторон блины складывай на плоскую тарелку, смазывая каждый сливочным маслом, чтобы не слиплись.

Если ты уже умеешь печь обычные блины, попробуй овсяные. Этому рецепту несколько столетий: свари жидкую овсяную кашу, протри ее через сито и добавь яйцо. Тесто готово. Блины выпекай тонкие. В старину их ели с кислым молоком, сметаной, ягодами и сахаром, подавали вместо хлеба к супам.

Оладьи пекутся так же, как блины, только они потолще и меньше по размеру (на сковороде помещается сразу 2-3). Вот рецепт основного теста: 2 яйца, 2 стакана молока, 1/4 стакана растительного масла, 2 стакана муки, 2 столовые ложки сахара, чайная ложка соли и столько же погашенной уксусом соды. Сначала взбей яйца, потом добавь остальные продукты и хорошо размешай. Вместо молока можешь использовать такое же количество сливок, простокваши, кефира или смесь из 3/4 стакана яблочного пюре и стакана молока. К праздничному масленичному столу советую подать оладьи с вкусными добавками: апельсиновым или медовым маслом. Делаются они просто: 1-2 столовые ложки апельсинового сиропа или 3/4 стакана взбитого меда соедини с половиной стакана размягченного сливочного масла и хорошенько размешай. И еще: не забудь, когда будешь печь блины да оладьи, открыть в кухне форточку или включить вытяжку, чтобы не было угара.

О вкусном, пожалуй, хватит. Поговорим о другом.

Весной как-то особенно хочется быть красивой, правда? Значит, самое время нам с тобой заняться косметикой. Между прочим, знакомое тебе слово переводится с греческого как «искусство украшать». И этому искусству по меньшей мере несколько тысячелетий. Во всяком случае, с ним были знакомы женщины в древнем Китае и Египте. У тогдашних модниц самым ценным украшением считались пышные ухоженные волосы. И очень длинные: на простое расчесывание и укладку уходило несколько часов. С тех пор кое-что изменилось. Тебе, наверное, хватает и десяти минут, чтобы перед школой заплести косичку или поправить стрижку массажной щеткой. Но признайся: когда начинает припекать весеннее солнышко и можно, наконец, снять шапку, тебя не всегда устраивает, как выглядят волосы. Поблекли, посеклись, очень сухие или, наборот, слишком блестят. Попробуй посвящать им хотя бы на полчаса в неделю больше, чем до сих пор. Я постараюсь помочь тебе.

Есть такая старая французская поговорка: если ты плохо выглядишь — вымой голову. Конечно, это скорее шутка, чем совет. Но мне иногда помогает. А если серьезно, то реши сама, глядя в зеркало, сколько раз в неделю нужно мыть волосы. В любом случае, грязь для них гораздо вреднее, чем частое мытье. Воду приготовь теплую или приятно (но не сильно!) горячую. Добавь в нее лимонный сок (2 чайные ложки на литр), чтобы смягчить. Перед мытьем сделай десятиминутный массаж кожи головы, втирая при этом репейное, конопляное, касторовое или льняное масло (они продаются в аптеке). Вымыв голову любимым, а главное — подходящим для твоих волос шампунем, проделай несложную процедуру. Размешай сырое яйцо и еще один желток в половине стакана теплой воды. Эту смесь вотри во влажные волосы и через 10 минут тщательно их прополаскай.

Тебя огорчает, что волосы сухие и ломкие? Попробуй раз в неделю перед мытьем делать им на полчаса маску из теплой смеси яйца и столовой ложки растительного масла. Если ты собираешься мыть голову, скажем, завтра утром, то сегодня вечером не поленись и сделай более сложную маску: один желток, столовая ложка майонеза, чайная ложка меда и два растертых зубочка чеснока. Вотри смесь в кожу головы на полчаса, смой теплой водой. А завтра, после мытья, ополосни чистые волосы настоем крапивы: 500 г травы завари в 0,5 л кипятка, когда настоится — процеди.

Слишком жирные волосы доставляют не меньше огорчений, чем сухие. Попробуй помочь себе такой маской: чайная ложка меда, столько же сока алоэ (его можно купить

в аптеке) и лимонного сока, сырой желток и растертый зубок чеснока. Смесь втирается в голову за полчаса до мытья. Ополаскивать чистые волосы советую настоем крепкого чая или отваром дубовой коры. Еще лучше использовать для этого настой тысячелистника, зверобоя, березовых листьев или шишек хмеля.

На всякий случай расскажу, как можно избавиться от такой ужасной неприятности, как перхоть. Понадобится лимонная вода: кожуру четырех лимонов вари 15 минут в литре воды. Процеженным отваром достаточно ополаскивать волосы раз в неделю. Есть и другое средство: растертые свежие листья одуванчиков (мяты, рябины) нанести на кожу головы и повязать полиэтиленовую косынку. Через полчаса смыть теплой водой.

Если с твоими волосами все в порядке, не будет лишним ополаскивание травяными настоями. К естественному красивому блеску добавится еще и приятный оттенок. Ты блондинка? Тогда подойдет ромашковый чай или отвар луковой шелухи (горсть шелухи прокипяти в стакане воды 15 минут, процеди и вылей отвар в воду для ополаскивания). Для темных волос годится отвар из коры каштана или смеси аптечных трав — хмеля и аира.

И последнее. Старайся не использовать фен для влажных волос — они должны высохнуть сами при обычной комнатной температуре. Если уж ты очень торопишься, быстрее высушить волосы помогут мягкое полотенце и массажная щетка. Расчесывать волосы необходимо как минимум дважды в день, не торопясь — это ведь еще и массаж. Есть, между прочим, одно древнее правило, которому следовала, говорят, египетская царица Клеопатра: утром и вечером обязательно провести расческой по волосам не меньше ста раз. Вот так! Но ведь тебе хочется быть красивой? Особенно весной! Тогда не ленись.

На сегодня — все. В следующий раз я отвечу на вопросы из писем.

Рисунок Т. Панкевич

Незадолго до смерти царь Петр вызвал к себе капитана Витуса Беринга и повелел ему быть главным в задуманной важной экспедиции. Беренгу — опытному мореплавателю — поручалось: добраться сухопутным путем до Камчатки, сделать там корабли и исследовать: не соединяются ли где-нибудь земли Азии с Америкой? Или же между ними — пролив? Для этого на корабле плыть сколько можно на юг и на север...

Почему этот вопрос был так важен?

Дело в том, что европейские мореплаватели, стремясь достичь восточных берегов Азии, должны были обогнуть Африку, Индию — на такое плавание уходили годы. Нет ли пути короче?

В то время географическая карта мира выглядела очень приблизительно. Считали, что Америка отстоит от Азии далеко. Но были ученые, которые считали, что пролив не существует...

Выехав в 1725 году из Петербурга, Беринг потратил два года на перевозку грузов. Он очень бедствовал во время этого перехода к берегам Тихого океана. В пути много народу погибло от непомерных усилий, часть команды разбежалась, прежде чем добрался Беринг до места. Еще несколько лет ушло на постройку судна «Святой Гавриил». На нем Беринг с лейтенантами Чириковым и Шпанбергом летом 1728 года поплыл в предписанном направлении. Беринг не встретил никакой земли и вернулся назад. В Петербург Беренг прибыл в 1730 году. Там он получил от Адмиралтейства (Петра уже не было в живых) новое придписание: исследовать более детально побережье Ледовитого и Тихого океанов, а главное, преодолев пролив, дойти до берегов Америки. Это плавание состоялось еще через несколько лет. Годы ушли на постройку двух новых кораблей «Святой Петр» и «Святой Павел». В июне 1741 года корабли вышли из Авачинской бухты на Камчатке. «Святым Петром» командовал Беринг, командиром второго корабля был Чириков. Беринг дошел до берегов Америки и выполнил предписание Петра, нанес на карту координаты материка. Обратный путь был трагичным. Бури трепали корабль, почти вся команда заболела цингой. Временами некому было управлять кораблем, не хватало питьевой воды, продовольствия. Когда дошли до встретившейся земли (команда решила, что это Камчатка) решили немедленно высадиться. Корабль при этом разбило волной о берег... Не было сил двигаться дальше. Решили зазимовать. В декабре умер Беринг. Ослабевшие люди, с великими усилиями к весне построили новый небольшой корабль из остатков «Святого Петра». В августе 1742 года этот кораблик с уцелевшими участниками экспедиции добрался до берегов Камчатки.

...Чириков во время шторма потерял из виду Беринга. Но он также доплыл до Америки. Беринг и Чириков шли параллельно курсом, иногда на расстоянии одного дневного перехода друг от друга...

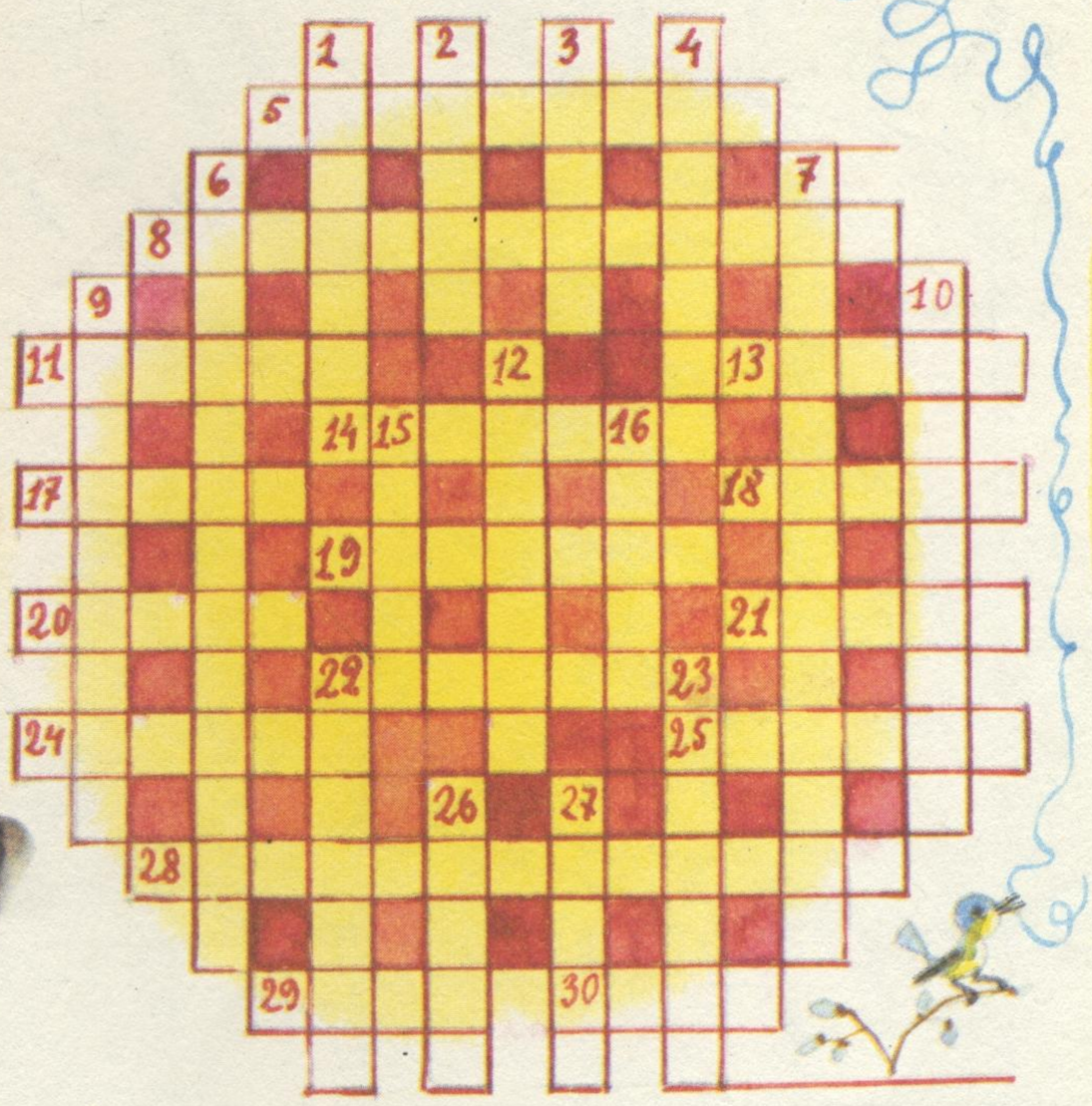
Трудной была экспедиция, много было сделано открытий, великие были приложены усилия.

Недаром позднее экспедицию Беринга назвали Великой...

О. СТРЕЛКОВА
Рисунки В. Шаронова

Рисунок-загадку см. на 4-й стр. обложки

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Рисунки Л. Московского

Недавно Г. Г. Громыхалов был приглашен в знакомую семью. Там в марте отмечается целый праздник. Надо же случиться такому совпадению: в доме две сестры; старшая, Вера, уже замужем, младшая, Надя, еще школьница; и обе родились в один день — 8 марта.

— Сегодня, девочки, у вас необычный день рождения,— начал свое поздравление Географ Географыч.— И не только потому, что каждой из вас исполнилась «круглая» дата. Дело в том, что Вера сегодня ровно вдвое старше, чем была Надя тогда, когда Вере было столько, сколько Наде сейчас.

Гости призадумались. «Верно! — первой воскликнула догадливая Надя.— Так что же, больше такого никогда не будет?»

— А ты сама подумай,— предложил Г. Г. Громыхалов.— Все так просто...

Сколько же лет сестрам и когда в следующий раз они отметят такой необычный «круглый» юбилей? И отметят ли?

Конкурс кроссвордов

Свой кроссворд предлагает отгадать Юля Иванова из города Невеля Псковской области.

По горизонтали: 5. Вид спорта. 8. Перестройка, преобразование. 11. Древнеримское имя богини Эос. 13. Публичное сообщение на определенную тему. 14. Река в Татарии, приток Волги. 17. Актерское амплуа. 18. Определенный режим питания. 19. Ударный музыкальный инструмент. 20. Заключительная часть спортивного состязания. 21. Хвойное дерево. 22. Великий английский писатель. 24. Фигурная линейка. 25. Город на Енисее, порт. 28. Система взглядов на природу и общество. 29. Деревня, в которой решилась судьба Москвы осенью 1812 года. 30. Река в Монголии, исток Шилки —. притока Амура.

По вертикали: 1. Город в Чарджоуской области Туркмении. 2. Строение для хранения зерна. 3. Химический элемент. 4. Спортивный коллектив. 6. Увольнение с военной службы. 7. Ограничение в правах, притеснение кого-либо. 9. Общепризнанное значение, влияние. 10. Собрание систематизированных карточек по каким-либо вопросам. 12. Легкая постройка с прилавком для мелкой торговли. 15. Юридический термин, часто встречающийся в детективах. 16. Священная книга мусульман. 22. Летчик, Герой Советского Союза, участник спасения челюскинцев. 23. Автор романов о комиссаре Мегрэ. 26. Мелодия. 27. Ухудшение качества чего-либо от длительного употребления.

Ответы на задания, опубликованные в № 2 1991 г.

1. Вера Капитоновна «заработала» десять рублей. Пять рублей в первый раз, когда продала кофеварку у магазина, и столько же во второй раз, когда сдала кофеварку в комиссионный.

Конкурс кроссвордов

По горизонтали: 1. Роза. 3. Перу. 5. Сазан. 7. Агат. 9. Иран. 11. Бук. 12. Чум. 14. Коза. 16. Баку. 18. Рубка. 19. Нота. 20. Сена.

По вертикали: 1. Рука. 2. Аист. 3. Пони. 4. Уран. 6. Зея. 8. Арбуз. 10. Румба. 13. Куб. 14. Клен. 15. Арка. 16. Барс. 17. Утка.

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:
В. М. ВЕРХОВСКИЙ
О. П. ОРЛОВ
Р. П. ПОГОДИН
Е. В. СЕРОВА
Н. И. СЛАДКОВ
А. Я. ТОЛСТИКОВ
(отв. секретарь)
Н. Т. ФЕДОРОВ
Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ
(зам. гл. редактора)
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
В. И. ЦИКОТА
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
Н. В. МИХАЙЛОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «КОСТЕР»

ЦК ВЛКСМ

ЦС СПО (ФДО) СССР

ИПО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции:
193024, Ленинград,
ул. Мытнинская, 1/20,
телефон: 274-15-72.

К сведению авторов!
Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.
Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.
Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.
Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

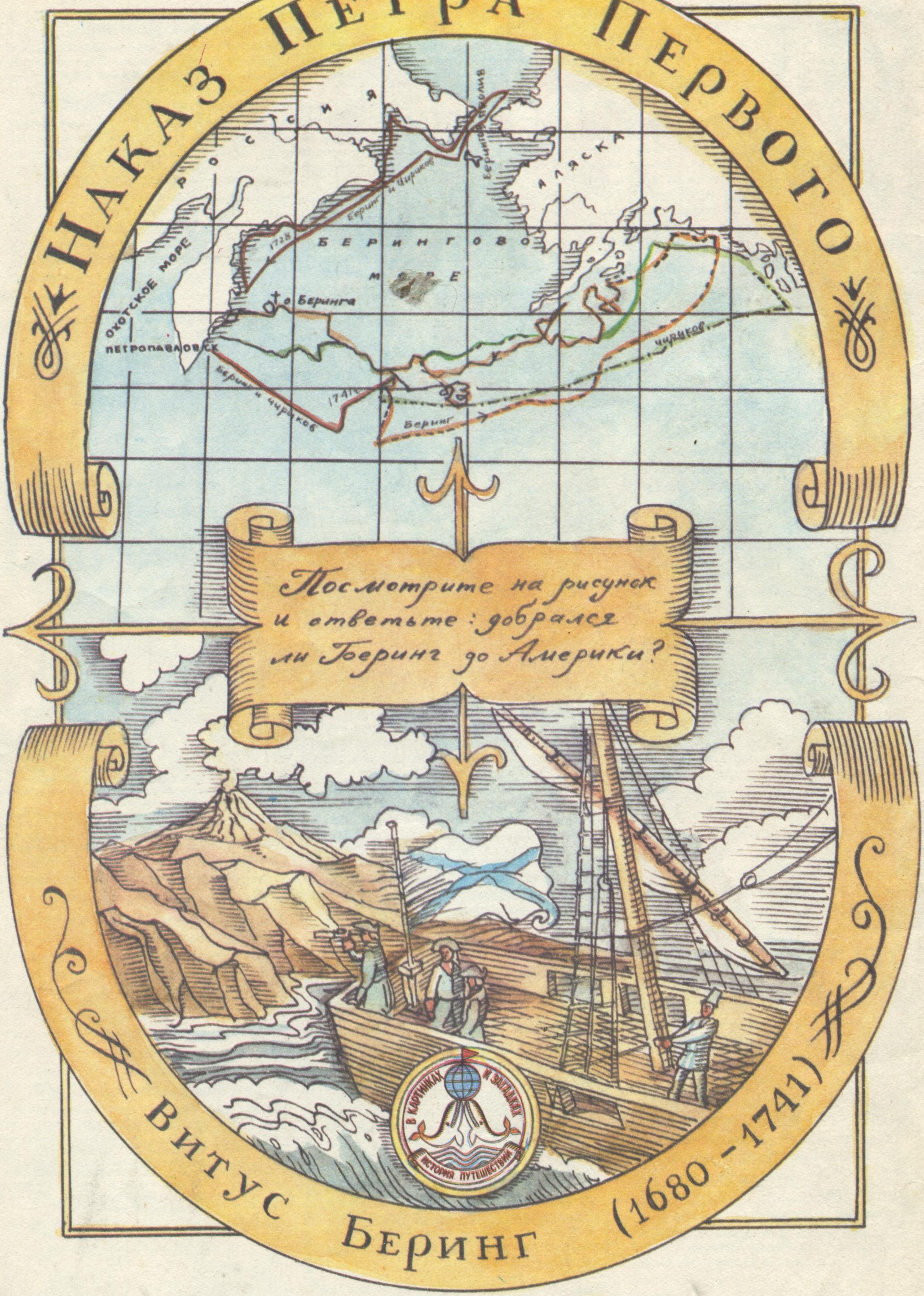
Сдано в набор 5.11.90.
Подписано в печать 15.01.91.
Формат 60×90 1/8
Печать офсетная
Печ. л. 6
Усл. печ. л. 6
Усл. кр.-отт. 22
Уч.-изд. л. 8,3
Тираж 792000 экз.
Заказ № 5503
Цена 60 к.

Текстовые диапозитивы, иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМУ (МДС) «Молодь». Зак. 1-47. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

60 к.
Индекс 70445

Вос 22-57

НАКАЗ ПЕТРА ПЕРВОГО

ВИТУС БЕРИНГ (1680 – 1741)